

Виктория Сотникова

ИРРУВИМ

Много жизней тому назад

“Случайно ли, что сущее, как страждущая часть бытия, определяется лишь патологией своею: болезнями, разрушением, увяданием и тлением? Был бы мир другим, не будь его сущее смертным? И случайно ли, что чем сознательнее сущее, тем и страдание его невыносимее, опустошительнее?”

18+

Виктория Сотникова

**Иррувим. Много
жизней тому назад**

«Автор»

2023

Сотникова В.

Иррувим. Много жизней тому назад / В. Сотникова — «Автор», 2023

Что может быть проще, чем умереть? И, напротив, какого великого труда стоит нам жить! Но так ли спасительно забвение, к которому мы стремимся в минуты слабости, беспросветного уныния? Смерть — интрига интриг! Престарелый архивариус Лойд Шиперо мало думал о смерти, как и о пущенной по ветру жизни. Потому и вестника не признал, к кончине своей приставленного. И скорбная весть — не худшее из того, с чем пожаловал призрачный «курьер». И без того немощному старику поручено было совсем уж непосильное бремя: служить губительному пророчеству да к порогу божьему с поклоном идти. А преуспеть в этом непросто: людской дух богам — что скверна. Посему не избежать Лойду чистилища, где жертвой падет земное его прошлое. А ведь чем полнится человеческая жизнь? Светлыми воспоминаниями, нажитыми смыслами, грехами и подвигами... Вычти все это, и что от останется от человека? Нам предстоит проделать путь из пресловутого реализма к мнимому идеализму, из XIX века — в безвременье, от уединения к единству.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	17
ГЛАВА III	32
ГЛАВА IV	36
ГЛАВА V	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктория Сотникова

Иррувим. Много жизней тому назад

*Самый верный способ перестать
бояться смерти – устать от жизни.*

ПРОЛОГ

Посвящается моему читателю.

Живому или умершему.

Мама, я помню.

Краткость, говорят, сестра таланта. Но мать его – души исповедь.

Когда настанет время для вопроса, – а время терпеливо, – отчего в истории этой столь многое любви отведено, я, прежде чем ответить, дам и себе труда спросить тебя, читатель. Сколь автор сам бывает прозорлив, даруя публике финал, далекий от данностей жизни? Сколь глух он сердцем, умалчивая важное взамен незначашему? Не безумен ли он, доверяя собственные части души белому листу, а затем окропляя его же их же кровью? Сколь безжалостен он к собственным надеждам, служа искушенным зрелищами зрителям? Сколь много черкает он откровений, прокладывая из глубин его памяти чернильные пути? Сколь часто перо его дрогнет в умелой руке, намерившись писать повинную?

Читатель, почти же гостеприимством заблудшее в потемках авторское сердце, что живо отблесками света глаз твоих! И тогда, мой читатель, мой безмолвный попутчик, я отвечу тебе: «Любви во всякой истории вровень пустотам, зияющим в сердцах наших. И коли не объять ту историю умом, прими же исповедь эту ты сердцем своим. Прими же обращенную тебе молитву, как божество принимает бескровную жертву. Как тьма принимает пламя свечи».

ГЛАВА I

ПРИЗРАЧНЫЕ УСТА

Среда клонилась к закату. Жители провинциального городка Наутгем оставляли свои будничные заботы и неторопливо разбредались по домам. Дамы собирали на стол, дожидаясь супругов к вечерней трапезе, дети нежились в лучах заходящего солнца, скотина изничтожала дневные запасы корма. И внешне мизансцена выглядела буднично, за исключением одного реквизита, выбивающегося из шаблонного порядка вещей, – мистера Лойда Шипéro, что есть духу молотившего багром по облицовке декоративного камина в его приемной при городском архиве. Можно было подумать, что мистер Шипéro потерял контроль над рассудком. И все, даже жители, прежде глубоко убежденные в добром нраве соседа-интеллигента, так бы непременно и решили, завидев неистовый штурм безоружного очага, если бы не предшествующее ему событие. А то было сродни злой шутке больного ума, не иначе.

Дело в том, что за считанные минуты до того, как мистер Шиперо принялся громить старинную родовую реликвию, из дымохода ее раздалось требование. Голос, что его предъявлял, был низким и зловещим, точно принадлежал нежити, а смысл затребованного им и вовсе не поддавался расшифровке – даже для такого живого ума, каковой имелся у хранителя исторических документов Лойда Шиперо.

Поначалу из камина послышалось глухое шиканье, похожее на то, что издают угли, окропленные водой. Лойд, в эту минуту наводивший порядок на своем рабочем столе, подумал было, что виной тому залетевший в дымоход ветер. И только господин поднялся со своего кресла, чтобы проверить, на месте ли заслонка, как из внутренностей камина прогремело его собственное имя, да так отчетливо, так повелительно, что пожилой архивариус попятился назад и рухнул, оторопевши, обратно. На несколько мгновений в кабинете повисла тишина. Шиперо, нутро которого съежилось до размеров желудка, пытался выстроить несвязные мысли, роившиеся в его мудрой голове, в логичную гипотезу, оправдывающую произошедшее. И только он вознамерился списать это недоразумение на галлюцинацию, наказывающую его за привычку подолгу засиживаться на работе, как жерло камина вновь ожило. На этот раз голос, прежде властный и нетерпеливый, заговорил ровным бесстрастным тоном:

– Лойд Евандер Шиперо, хранитель национального Иррувимского архива, сын Евандера Октавиуса Шиперо, потомок иррувимских кочевников, отвечай мне, какой сегодня день!

Догадаться несложно: он спятил. Верно, такое должно было приключиться с ним куда раньше, ведь уже несколько десятилетий он днями напролет не давал себе роздыху, сокрывшись от людского мира за массивными дверями национального архива. Всем, что он знал, где спасался одновременно от самого себя и назойливых человеческих будней, были архивы и содержащиеся в них пыльные документы: забытые всем белым светом родовые летописи, утратившие ценность манускрипты о былых событиях, истлевшие от времени иероглифические и рунические письмена и даже клинописные таблицы тысячелетней давности – наследие давно исчезнувших цивилизаций.

Нет, Лойд не испугался самого голоса, не переживал он и о собственном умственном здоровье. Сейчас он больше всего мечтал оказаться среди людей – тех, кто обладал плотью и кровью; тех, кто никогда не нарушал его добровольного забвения; тех, от кого он некогда отказался ради соприкосновения с миром мертвых.

«Недурно бы, – подумал Лойд, – поскорее отделаться от этого наваждения». И, покоряясь неведомому, подал голос:

– Сегодня, если мне не изменяет память, чему я ничуть не удивлюсь, восьмое августа тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, – и притих в смутной надежде, что гость ошибся адресом и временем.

Никаких сомнений не было в том, что безликий голос принадлежал существу знающему. А может, знающему даже больше, чем полагается знать облеченному в естество. Посему скромная надежда на допущенную безликим ошибку постепенно таяла в сознании Шиперо, и теперь он принялся перебирать в голове возможные причины сверхъестественного визита. Между тем, из дымохода раздался глухой рык:

– Глупость твоя пятнает честь рода твоего! – Отповедь звучала угрожающе, поэтому Лойд, поглубже вжавшись в кресло, застыл, ожидая продолжения. – Отвечай же по чину. Да не земной календарь, а летоисчисление Теофилусское поминай!

Несчастливого архивариуса как кипятком ошпарило. Неужто незримый собеседник – посланник давно забытых предков? Теофилус – мифический наперсник бога всех кочевников Архама. Согласно древнему Иррувимскому преданию, именно в честь Теофилуса, в благодарность за его преданность и помощь в сотворении святых земель Архам возвестил счет солнцестоянию. Однако календарь предков обратился в прах, едва только земля священная была покинута ее уроженцами. Знавшие о Теофилусе и боге кочевников далекие потомки были стары, да и те всерьез к хронике не относились.

Коли вещатель требовал назвать дату от сотворения святых земель, значит, он имел какое-то отношение и к предкам, некогда их населявшим. Следовало быть повежливее и разузнать, чем провинились потомки великих поселенцев. Уж не тем ли, что схоронили память об истоках под изнанкой времен и променяли отчий дом на столетия скитаний?

– Я, право, не припомню. Иначе сказать, календарь уже давно никто не использует, – извиняясь, зашелестел Шиперо. – А что, в сущности...

И вдруг, не дав побледневшему хранителю архивов закончить свою оправдательную речь, незримый гость буквально обрушился на него с проклятиями:

– Ах ты, жалкий отпрыск богоравных вождей! Как посмел ты, величая себя хранителем подлинных знаний и сокровенных тайн, предать их забвению! Голова твоя – решето! Да смилостивятся пески времени над моей проклятой ипостасью! Разыщи клинопись с отсчетом времени от первого солнцестояния, заклинаю!

Последняя реплика пришлась под залп ледяного ветра из каминного желоба. Шиперо в ужасе вскочил с кресла и, погоняемый воздушным вихрем, что есть мочи припустил вон, судорожно пытаясь решить, куда следует мчаться: подальше от жуткого видения или в архив – выполнять наказ.

Здравый смысл подсказывал спастись, убраться прочь. Но ноги, не избалованные бегом, пусть и в пределах архива, точно хлысту конскому подчинились – чему-то иному, чем рассудок, потому как тшедушная тушка архивариуса уже отсчитывала ступеньки, ведущие к самому дальнему хранилищу архива. На бегу дивясь собственной прыти и слабодушию, он пошарил в карманах жилета и выудил оттуда связку латунных ключей, стараясь припомнить, какой из них принадлежит годами не отпиравшейся двери. Едва нащупав нужный, Лойд с размаху налетел на завернутый в холстину обелиск, не разглядев его в подвальном полумраке.

– Черт возьми! Да что это со мной? – выругался он, потирая ушибленную физиономию и переводя дух.

Очувствовавшись, он осмотрелся. Обелиск был не единственным каменным памятником, погребенным здесь с целью сохранности. Вдоль левой стены покоились менгиры – два истукана, изображавшие жалобные безротые лица врагов, по преданию, лишенных права на раскаяние. По правую руку от входа в подземелье на древесных сваях почивал единственный сохранившийся обломок Строяма – первого в своем роде храма, возведенного для поклонения богу Архаму иррувимцами-первопоселенцами. У противоположной стены от входа, при-

слонившись к одной из колонн, охранявших дверь в самый старый архив здания, вздымалась обсидиановая статуя обнаженной богини Шун – невесты бога Архама, так и не избранной им в жены по вине любви той к смертной жизни. Движения земной коры лишили тысячелетиями спящую на священных землях статую Шун левой ноги. И теперь, дабы иметь опору своему девическому естеству, она прислонялась к колонне, верной своей ноше уже несколько десятков лет – с тех самых пор, когда Лойд вместе с отцом и еще дюжиной носильщиков доставили невесту бога в ее последние покои.

В подземелье было тихо. Воздух спертый, как в настоящей гробнице. Гонец наш, немного поразмыслив, выудил из кармана брюк жестяной коробок и, чиркнув фосфорной спичкой о подошву туфель, направился к двери меж двумя колоннами. Попутно прикидывая, мог ли безликий приглядывать за ним сквозь стены, Лойд силился нащупать нужный отпор. Спичка, отслужив, потухла, и помещение потонуло во мраке. На мгновение старику почудилось, что седые волосы на его голове шевелятся, движимые теми же злыми силами, что гнали его из кабинета прочь в подвалы.

– Да гори же, черт тебя дери! – вновь помянув нечистого, тщился он дать света.

Потерпев удачу, Лойд немедленно просунул тонкий заржавелый ключ в замок и, набрав побольше воздуха в легкие, навалился на кованую дверь. Та нехотя поддавалась, словно пробуждаясь от долгого сна, и таки впустила незваного гостя. Легкие старика тотчас окутал сухой земляной воздух, и он с облегчением отметил отсутствие влаги – врага любых архивов. Тем не менее ценных бумаг здесь не хранилось – только глиняные таблички, куски каменной графики, фрагменты окаменелостей древней фауны, украшения из морских раковин, местами потрескавшиеся кувшины для воды и вина, охалка скребков для выделки кожи да прорва предметов быта из лавового камня, стекла и горных пород. Где упокоился искомый календарь, он помнил наизусть: отец, будучи еще в расцвете сил, часто наводил порядок в подземных помещениях и ответственность по уходу за этой частью архива часто делил с сыном, который уже тогда проникся таинством унаследованного им дела. После смерти родителя Лойд все реже и реже жаловал своим вниманием мрачный подвальный этаж, оправдывая это тем, что отец в свое время надежно позаботился о сохранности принадлежавших ему раритетов – подобно тому, как хранителям ритуала мумификации удалось сохранить тела своих славных вождей.

Архивариус по памяти направился к одному из стеллажей, где в ряд громоздились массивные дубовые сундуки, декорированные множеством витиеватых деталей. На том, что был нужен Лойду, изображались крохотные сеньоры и сеньориты, навеки застывшие в изящной милонге. Очередной раз чиркнув спичкой и чертыхнувшись своей неосмотрительности, ведь где-то здесь были припрятаны свечные огарки, старик одной рукой приподнял увесистую крышку сундука и извлек первые попавшиеся клинописные таблички. Бегло изучив их и не найдя нужной, он отложил все в сторону и побрел за свечой. Вернувшись, приноровил ее на полку рядом с сундуком и принялся обеими руками, на ощупь собирать в кучу оставшиеся в нем глиняные письмена. Кое-как вытянув их к свету и поеживаясь от холода и нетерпения, Лойд стал перебирать одно за другим, мимоходом припоминая, сколь богата история, хранившаяся в его родовом архиве. Наконец отыскав необходимое, он схватил лампу и подсветил ею записи.

– Удивительно хорошо ты сохранился, друг мой! – протянул он, самодовольно изучая пальцами изрытый засечками предмет, будто видел его впервые. Но вдруг спохватился, припоминая, зачем он здесь.

Вглядываясь в первые строки (Лойд недурственно знал древний язык предков, поскольку добрая часть исторических документов содержала пусть более поздний, но все еще иррувимский алфавит), старик наверстал суть, наскоро прибрался в архиве и, прихватив календарь, поспешил наверх, в кабинет.

Когда лестничный пролет остался позади, герой наш, тяжело вбирая воздух, принялся гадать, не покинул ли загадочный гость его кабинет, и невольно распотешился при мысли, что все случившееся ему привиделось.

– Старый болван! – вслух подначивая себя, шагал он к двери. – Умом ты оскудел знатно!

Осторожности ради Лойд все же пошкрывал по двери костяшками пальцев и, немного помедлив, отворил ее. В кабинете все оставалось по-прежнему. Ничто не говорило о присутствии посторонних. Робким манером, стараясь не упустить из виду даже собственную тень, он прокрался к столу и бесшумно опустился в кресло, все еще крепко прижимая к себе календарь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Лойд позволил себе моргнуть. И только он расхрабрился, чтобы заговорить с тишиной, как из камина раздался уже знакомый мрачный голос:

– Что молвит Тиюфилуское летоисчисление, Лойд Евандер Шиперо? Какой сегодня день?

От неожиданности привлеченный к допросу чуть было не выронил из рук депешу. Еще раз кинув на нее нервный взгляд и ухватив им последнюю дату – день сотворения Архамом священных земель, он поторопился ответить:

– Первое солнцестояние, заставшее воскрешение священных земель, приходилось... – архивариус оборвал свою речь, судорожно стараясь составить более исчерпывающий ответ во избежание грома и молнии.

Календарь предков был устроен таким образом, что в нем не было ни лет, ни месяцев, ни недель. Иррувимцы – вразрез иным, более внимательным к смене времен года и астрологическим циклов современникам, – привыкли считать, отмечая лишь те дни, когда видели солнце. Солнечная летопись брала свое начало от солнцестояния, выпавшего на сотворение земель, и велась династией жрецов, поколениями исправно вносивших в свои записи «дни жизни» и не учитывающих в них «дни мрака», когда непогодилось. В такие мрачные дни время и бытие для жителей равнин останавливались: запрещено было работать, вести беседы, пасти скот и даже принимать пищу. На те бессолнечные дни приходились лишь молитвы с обильными жертвоприношениями богу Архаму за милостью, и тот, внимая прошениям, ниспосылал на Иррувим животворное солнце. Такому световому порядку была подчинена вся жизнь иррувимцев. Самым старшим жителям, по современным меркам имевшим за плечами добрые семьдесят лет, тщательные подсчеты жрецов определяли от двенадцати до семнадцати тысяч дней жизни – в зависимости от увиденных теми солнц. Правда, исчисление прожитых лет не представляло собой привычных современности символов: каждый считал свой возраст сам и по желанию, складывая в поясной мешок из овечьей кожи кристаллитовые камушки. Подобная вольность делала невозможным точное определение возраста. Посему долголетье старцев измерялось разве что числом морщин – непреложным атрибутом мудрости.

Когда последние чистокровные иррувимцы оставили священные земли, жрецы потеряли счет солнцам, объявив, что дни жизни для их народа сочтены. Небо чужеземцев не могло заменить им отчего света, и стали они тогда никем. Вместе с землями они оставили и приношения, и письма, и историческую сущность свою.

То, о чем вопрошал незримый, не было в известном понятии календарем. Скорее, это были пророчества, толковавшие о наступлении нового времени правления Архама, чему должны были предшествовать некие события.

Самая первая строка – таблица велась снизу-вверх – не являла собой пророчество в известном смысле и звучала следующим образом: «Минувшее рассудит». На строках выше списком числились события, предвещавшие стихийные бедствия и вторжения на священные земли врагов Солнца. В них были таким же телеграфным слогом описаны места, коим были уготованы несчастья, и наставления по их предотвращению. В письменах, которые были найдены вместе с клинописной табличкой на оставленных землях, значились и те события, коих удалось избежать, выполняя наставления, и те, коим предрекалось сбыться. Обезлюдение священных земель было также предначертано, и в письменах это событие числилось. Однако меж

ним и последним пророчеством в табличке значились еще две строки, по всем вероятностям, грядущие. Вместе с наследием покинувших родные земли иррувимцев был погребен в песках времени и клинописный текст, и два пророчества, смиренно ждущих своего события. Отец, как-то разбирая вместе с юным Лойдом почерневшие от времени сундуки, выказал беспокойство касательно содержания этой повестки из далекого прошлого. Вместе они сошлись на том, что сила пророчеств иссякла сразу после того, как нога последнего иррувимца пересекла границу священных земель. Многими годами позже, смахивая пыль с полок дальнего хранилища, уже порядком постаревший наследник архива вспомнил о пророчествах и решил еще раз на них взглянуть. Предпоследняя строка (вторая сверху) гласила: «Эхо смерти громом возгласит расправу. Солнце закровоточит. Ветры прочь погонят жизни. Последний чистокровный потомок иррувимского народа умрет. Безбытие ополчится на мир живых. Последний по роду полукровный предстанет вратам бога».

Окончательно запутавшись, какое из событий требует озвучить безликий, Лойд поднял голову от глиняного писания и устался в каминное жерло. Оба пророчества зримо выпали на годы кочевничества иррувимцев. Но с тех пор, как они покинули свои земли, согласно манускриптам, прошло не менее двух тысяч лет. Однако Лойд не дерзнул бы подсчитать умом, сколько наверняка. Никто ведь после ухода более не считал дни жизни и дни мрака, а до рук самого архивариуса дошли лишь сведения о жизни на священных землях. Пророчества, между тем, могли давно сбыться, или, быть может, время, когда им положено сбыться, наступит совсем нескоро. «Да и при чем здесь я?» – про себя в сердцах возмутился старик. Словно прочитав его предательские мысли, голос загромыхал пуще прежнего. Лойду на миг показалось, что способностью говорить теперь овладели и многочисленные стены.

– Вот что бывает, когда кровь чистая по миру ходит! Не сын ты отца своего, не потомок великого рода, коли малодушие твое попирает наследный дух!

Смысл сказанного дошел до Шиперо не сразу, хоть темп, с которым голос чеканил оскорбления, был довольно низким. Еще считая пролеты до коридора, ведущего в кабинет, Лойд дал себе слово не ввязываться в пересуды с невидимым посланником, дабы избежать непредвиденных последствий. Теперь же его лицо, отражавшее весь конфуз, вызванный столь стремительным наступлением этого недопонимания, приняло вдобавок летаргическое выражение – последний способ сохранить остатки чести. Потому в кабинете на какое-то время повисла тишина. И неожиданно годами не использовавшийся камин вспыхнул изумрудным светом. Тогда-то до затуманенного сознания Лойда Шиперо наконец дошло: все взаправду. И таинственный бесплотный пришелец, и воскресшая история давно почивших иррувимцев, и подлинность архивов, и священные земли – все это, словно найдя предметное подтверждение в лице всамделишного каминного пламени, вдруг возродилось из пепла и намеревалось восстановиться в правах на вершение судеб всех ныне живущих. И первой жертвой, на кого бы пало волеизъявление, был не кто иной, как сам хозяин дома-архива – единственное находящееся в непосредственной близости к вновь обретшему силу законотворцу еле живое от испуга существо.

– Я следил за тобой, сын последнего чистокровного иррувимца, – видимо, израсходовав свой запас проклятий, терпеливо продолжил посланник. Огонь смягчил его голос, и речь чеканная теперь сопровождалась горячим дыханием и реянием бледно-зеленых языков пламени. – Ты удивительно непохож на своего отца, но как слепок деда своего.

– Дедушка? – обмяк Шиперо.

– Архив твой общему делу обязан, – последовало равнодушное признание.

У Шиперо отвисла челюсть. Значит, это вовсе никакой не посланник, а постоянный визитер этого дома! Или, того хуже, его старожил! Все естество архивариуса сморщилось от одной только мысли, что всю его жизнь, все годы и дни, проведенные в архиве – а вне стен архива жизни у архивариуса не водилось, – за ним наблюдал тот, кто и являлся, если все же ему верить,

одним из распорядителей семейного дела. В голове невольно зароились мысли о том, много ли этот кто-то видел и слышал, на какие события в особняке распространялось его вневременное влияние, и кем, в сущности, он являлся.

Мысли несчастного архивариуса традиционно были прочтены, а засим и опротестованы:
– Не спеши хулить священный канон, покуда участь отца тебе не ведома.

Отнявшаяся челюсть Шиперо резко вспорхнула на положенное ей место и принялась отплясывать зубную чечетку. В глазах, округлившись до размеров черепаших яиц, застыл немой ужас, а из горла, отказавшегося подчиняться воле, вырвался жалобный вопль.

– Вам известно об отце? Заклинаю, говорите, черт бы вас побрал! – заголосил старик, сраженный новостями о некогда без вести пропавшем родителе.

Застигнутый врасплох Шиперо оставил попытки овладеть собой, и, не дожидаясь ответа, разом пересек комнату, схватил багор – первое, что попало под руку, – и с размаху нанес удар по каминной балке. Мгновение спустя, окончательно помешавшись, он принялся молотить по всему, до чего доставали руки. Жертвами разбоя пали два терракотовых кашпо, мраморное пресс-папье, антикварный жирандоль¹, непользованная этруская ваза, кенкет² для опытов, несколько чайных пар из фарфорового сервиза и, как и следовало ожидать, добрая часть каминной облицовки. Впоследствии Лойд особенно сожалел о дорогом сердцу кенкете, привезенном ему сестрой в подарок с западного материка. Но сейчас, когда весь непрожитый траур, вся томящаяся десятилетиями скорбь по отцу вырвались наружу ликом слепой ярости, он не жалел ни о чем: ни о камине, ни о безделушках, ни о своих израненных корольками руками и сердечной мышце, обещавшей вот-вот лопнуть от треволнений.

Когда силы окончательно покинули налетчика, он пал навзничь и принялся истошно рыдать. Сколько времени длилось излитие душевных мук, одним лишь стенам и известно. Меж тем в кабинете стояла гробовая тишина. Во всяком случае, безликий, если он и наблюдал за развернувшейся трагедией, не проронил ни звука.

Обмякши, архивариус так и остался лежать навзничь, бездумно уставившись в лепной потолок. Чувства его одолевали весьма чуждые. Оттого ли, что душа его обрела, наконец, свободу, оттого ли, что за полсотни лет он позволил себе такую прихоть – растянуться, как, ей богу, мальчишка, на пыльном полу, – однако непривычную свежесть и фривольность заимел он. Кончив томления, он позволил себе сесть и оглядеться. Тихо. Тогда, оставив всякий трепет, Шиперо резюмировал: «А что! Это даже занятно – познать иное бытие, потустороннее! Толстолобый я, что ли?» И на том порешив, в просветлении захохотал.

– Ну и болван же ты старый! – вспыхнул вновь обретший голос камин. – Нашел-таки себе забаву! – И, побудив того вскочить на ноги и вжаться в ближайший угол, камин вернул несчастному его же гогот троекратным эхом. – Конторскую жизнь твою вмиг порешу, зубоскал ты эдакий!

Покуда стены содрогались бранью, старик скользнул в кресло и стал выжидать. Как-никак, а привычное место придавало мужества. Скоро шум поулег, стены унялись, камин зашелся одышкой, кашляя хлопьями зеленоватой сажки. Шиперо, пользуясь случаем, принял церемониальную в деловых кругах позу и поспешил высказаться:

– Извольте, любезный! Однако не зубоскал я вовсе и, как вы сообразовали выразиться, никоим образом не болван. Пожалуй, что имел я неосторожность визиту вашему смутиться... Но простите мне... Вы и впрямь гость отнюдь не обычный.

– Полно! – перебил его вмиг посерьезневший каминный житель. – От тебя, невежды, проку нет, коли не чтишь ты вверенное! Архив сей непростой! Горе тебе за недогляд летописный!

¹ Жирандоль (франц.) – фигурный подсвечник.

² Кенкет (франц.) – комнатная лампа с маслом горелкой.

Архивариус не знал, как держать ответ. Всю жизнь, еще задолго до пропажи отца, только разум его юный окреп, он вовлекся в семейное дело со смирением сердца. Год за годом, огарок за огарком он жертвовал частной жизнью в угоду сохранности исторического архива, и единственное, чего не учел, – бремя продолжения рода, дабы все усилия старших мужей семьи не канули в лету. И вот, когда эпилог его жизни стал уж различим, к нему является дух и объявляет потраченные им за неблагодарным занятием годы небрежением! Ох, горе, горе истинно на голову его седую! И едва не навзрыд он таки отвечивал:

– А что же до вас? – прилила к глазам кровь. – Вы утверждаете, что дело это общее. И, позвольте, столь же, сколь и мне, вам принадлежит! – ухватил он себя за ворот. – Тут и вина пополам, коли так!

Дожидаюсь по меньшему сожжения заживо, Шиперо инстинктивно зажмурился и подался к остоу выдавшего и не такие виды кресла. А дело в том, что в этом кабинете, где когда-то восседал его дед, а потом и отец, Шиперо принимал посетителей абсолютно разного происхождения и толка. Примерно четверть века назад в этом самом кресле ему довелось получить серьезное ранение в схватке за древнейший амулет, за коим охотилась шайка черных антикваров. Засим, несколькими годами позже, он чуть было не потерял глаз и свободу, оказывая сопротивление городским чиновникам, жадным до почетных кусков земли и десятками лет вмещающим ему различного рода бумажные огрехи. Пусть и нелюдим был наш герой, а все же делам людским дивиться перестал. Но сейчас – сейчас было другое дело! «Гость этот, – думалось Лойду, – не человек, но речист. Не дьявол, а безо всяких спичек волен над огнем. Чего было еще ожидать, кроме упреков, – меньшего из всех зол? Почему мне, бедняге, знать?»

А гость меж тем со злым деянием медлил. Лишь малахитовое пламя камина свидетельствовало о его присутствии. Порешив, что виниться ему не по чьему, Лойд вновь оправился по-служебному и деловито проворчал:

– Нет мне нужды конфузиться. Наследное я уберегу. Что до вас, то извинений я не жду, так и знайте. Стар я для обид. А прочее, раз завсегда так вы, нам обоим известно.

Ответное молчание тяготило, и даже мирное потрескивание пламени не внушало утешения.

– Стало быть, вы здесь постоялец, – отходчиво протянул Шиперо. И, паузой измерив тон беседы, продолжил: – А поди ж угадай, не привиделось ли...

По-видимому, оскорбившись столь вопиющему неприятию, безликий подал отмщения голос:

– Так почто мешкаешь? Коли я наваждение, разрешите быть свободным!

Шутливое изречение нимало позабавило его самого, потому как тотчас в камине заплясали задорные искры. Архивариус перевел дух, посчитав воцарившийся порядок добрым знаком, и поспешил приличествовать:

– Ну что вы, право! Для меня великая честь иметь с вами знакомство! – А затем, толком не разобравшись в собственных чувствах, вдруг выпалил: – Черт-те что творится, знаете ли...

– И черт умнее тебя, окаянного! – внезапно рассвирепел гость, вернув беседу к прежнему накалу. – Твоя жизнь и гроша ломаного не стоит! А только путь тебе надлежит, да нехоженный!

Нечего и говорить: и без того не выдавший солнца Шиперо ныне совсем побелел. Мало ему происков нечистой силы, так еще и на склоне лет, когда старикам положено иметь покой, он вынужден податься в скитальцы! Ишь чего выдумал! Вовек тому не бывать! Пусть так и знает! И только он хватил побольше воздуха, чтобы огласить на сей счет свое решение, как к нему вернулось самообладание. Положение его пусть и было незавидным, а все же польза в нем наличествовала. Безликий мог знать частности пропажи его отца. Надежд на возвращение последнего, конечно, не осталось. Однако Шиперо не хотел упустить случая упокоиться со знанием участи своего родителя. Коли сегодня особенная для истории Иррувима дата, что, помимо прочего, каким-то образом связана с ним самим, значит, объяснение он таки получит,

а заодно и выведает про отца. Посему было принято новое решение: во что бы то ни стало обо всем допросить безликого и засим, не давая обещаний, ожидать благоприятного исхода.

– Что ж... Закат близится! Прошу, перейдем к делу! – пошел он в наступление.

– Клинопись! – прогремело в ответ. – Толкуй же!

Запасшись терпением, Лойд заботливо поднес глиняный артефакт к свету лампы. Следовало начать с предпоследней строки – так подсказывало чутье, и он принялся истолковывать писание:

– Тут сказано: некогда смерть громом заговорит и солнце закровоточит; тогда ветры населят землю; смерть последнего чистокровного сына тому причиной будет; и безбытие наступит, – чтец закашлялся. Недоброе предчувствие им овладело. – Полукровке по роду предстать пред волей бога завещано.

Речь оборвалась. Шиперо уставился на пылающий камин и тотчас взвился, как кипятком облитый.

– В самом деле, не думаете же вы... Ох, ну уж! Черт-те что!

Ноги его так и подкручивало от возбуждения. Посему, восстав духом, Шиперо пустился трусцой по кабинету, не забывая приправлять свой моцион проклятиями: «Вот уж нет! Чтобы я... Да ни в жизнь! Чес-слово! Уму непостижимо...»

Не дожидаясь, покуда рассудок старика вернется на круги своя, невидимый возобновил свои наставления:

– Побереги прыть и не упрямясь, рохля! Того гляди, чего и похуже случится!

– Да чтоб вас! – вскинулся Шиперо, раздражаясь пуще прежнего. – Ведь мне без малого шесть десятков! Ну, коня мне, что ли, жалко? Почто мне эти подвиги? Увольте! Ну какой, какой из меня рыцарь? Да и земли те давно на картах не значатся! Где искать их, треклятые, прикажете?

– Кручину брось, а земли сами тебя найдут. Помяни мое слово!

– О горе мне, старику!

Безутешный Шиперо повалился в кресло и отдался стенаниям. Кудлатая голова упала на подлокотник, сотрясаясь крупной дрожью, из немошной груди вырвался глухой стон, и всякий случайный визитер непременно бы подумал, что случилось нечто непоправимое, нечто ужасное. И оказался бы прав. Ведь преемник, как никто другой, понимал: архив его хранит подлинную, хоть и незапамятную историю великого рода, только потому и обросшую мифами, что правда о нем некогда сводила с ума целые династии искателей бессмертия. А еще он знал, что однажды и ему придется заплатить свою цену за хранение священных тайн, что в свое время настигло и многочисленных его праотцов.

Писанные пророчества несли огромную ценность: они грозили разрушительными войнами, предсказывали стихийные бедствия, вырождение и даже уносящие тысячи жизней эпидемии. В ведении архива было не только прошлое и настоящее, но и будущее стран и народов. Да что там – всей поднебесной! И на все это была воля богов, алчущих слез покаяния за скверну обретшей свободу человеческой души.

Однако богам свойственна мудрость. Посему в особых писаниях была означена их воля, подлежащая исполнению. И дабы не чуждались люди на веру брать предвечный канон, предписали боги плату за него. Но до свободы люди охочи, и грехи чувственные им милы. Оттого за волей богов покой веков закрепилась слава непреложных пророчеств – добровольной платы в обмен на судьбы, свободные от строгих вероучений.

Та клинописная табличка, что ныне возлежала на столе пред хранителем документов, числилась последней из имеющихся в ведении архива. Пророчества, в ней изложенные, замыкали сказ о будущем. Посему означенное ею, будь оно претворено в жизнь, лишило бы человечество всякой надежды на рассвет нового дня.

Ничто не отвлекало одинокого стонающего старика от тягостных дум. Почти прожитая в бессмыслии жизнь – вот единственное, что мог он потерять, садясь в колесницу завещанного ему долга. Быть может, даже нечто ободряющее было в том, чтобы шагнуть навстречу судьбе. Могло ли это вернуть ему давно утерянные смыслы? Способно ли это было оправдать то прозябание, коим грешил он пред белым светом, сокрывшись от людских глаз, от божьей милости, от дара любви и труда жизни?

Опомнившись, с тяжелой головой Шиперо поднялся с кресла и проследовал к замасленному окну. Уличная возня поутихла, редко где слышался скрип колес. Наутгемцы готовились ко сну. В кое-каких домах брезжило слабое пламя догорающих свечей. Бледной тенью зашедшего солнца заняла свое привычное место над мостовой полная луна, и Лойд невольно зазевал – впору возвращаться домой. Огонь все так же мерно горел, потрескивая фантомной щепой. Даже тепло, им порождаемое, осязалось как нечто неземное, чуждое: не грело, проникая в кожу, а будто скользило по ней, изучая свойства плоти и крови.

– Последним чистокровным иррувимцем был мой отец, так? – уже слабо понимая происходящее, спросил он у притихшего гостя.

– Кровь священного рода осквернилась кочевниками много позже мыслимого. Евандер Октавиус Шиперо был сыном последних хранивших кровь предков иррувимцев.

Незримый, кажется, и сам был немало раздосадован, что именно Лойду – и, что куда хуже, находящемуся в весьма почтенном возрасте, – выпал наследный жребий.

Старика осенило: пришелец был таким же заложником писания – эдаким стражем, томившимся в чужой ему стихии в ожидании подобного себе незримого экипажа, обещавшего увезти его в обитель прощенных после долгих веков каторжного труда. Совершенно ясно, что этому препятствовало: два оставшихся пророчества без точного срока претворения в жизнь.

Однако заметил Шиперо и еще кое-какую ошибку, на которую и собирался указать себе-седнику:

– Позвольте мне допущение, – начал он. – Грядущее пророчество, сколь мне известно, связывает воедино несколько событий. Стало быть, ныне оно должно подчинить себе всего шесть: смерть последнего чистокровного, солнца кровоизлияние, что бы это ни значило, ветров напасть, засим безбытие и, наконец, пришествие мессии, то есть... Меня? – Лойд уставился на изумрудное пламя с плохо скрываемым раздражением. – Если мой отец – последний чистокровный иррувимец и в клинописи говорится о его смерти, то как она может быть связана с остальными событиями грядущего? Ведь отец давно считается... покойным.

Немедленного ответа не последовало. Вместо этого пламя начало таять на глазах, и через миг след его простыл. Архивариус поежился. Кабинет погрузился в полумрак.

– Вы еще здесь? – окликнул он пустоту. – Я подумываю навестить сестру в Сьюйте, и...

– Нет нужды таковой накануне отбытия, – раздалось из каминного мрака.

Тут терпению подневольного пришел конец. Будь у голоса обладатель, Шиперо здесь же набросился бы на него с кулаками. Никогда еще он не чувствовал себя более беспомощным, как зверь, загнанный в угол собственной берлоги. Хватая воздух ртом, Шиперо поднял знамя свободы:

– Полно с меня указов! Нельзя же вот так... Врываться к людям почем зря! Всю жизнь я сам по себе, и я настаиваю...

– Уйми пыл, упрямец! – принял бой безликий, сотрясая стены. – Что на роду высечено, то и огнем не возмешь! Отец твой службу нес исправно, и ты понесешь!

– Мой отец пропал! А может, и сбежал, чтобы не...

– Евандер Шиперо погиб много позже того, как отправился искать таких же, как и он – чистокровных! Жертвами путь его устлан, так и знай. Что уготовано тебе, его полукровному сыну, окажись он последним иррувимцем, он знал доподлинно! – Словно в нерешительности, выдержит ли испытание правдой слабый сердцем старик, гость замолк.

Покуда обомлевший Шиперо силился одолеть услышанное, из каминной топки выпорхнуло нечто бесформенное, едва различимое во тьме: не то тень, не то серое облако. Ни секунды не медля, оно направилось к Лойду и уже через мгновение обволокло его физиономию плотной дымкой. Инстинктивно попятившись к двери, архивариус едва успел нащупать рукой спинку кресла, как вдруг его воспаленное сознание помутилось. Где-то вдали эхом раздался знакомый гулкий смех, и он провалился в красочное сновидение.

ГЛАВА II

ПОЛУНОЧНЫЙ ПАССАЖИР

Ничем не примечательная среда положила, по наутгемскому обыкновению, начало такому же ничем не примечательному четвергу. В послерассветный летний час жители уже вовсю хозяйствовали по дому, повсюду в воздухе летал аромат свежей выпечки, мускатного ореха и жареных колбасок. А мелюзга, избавившись от своих ночных рубашек, расплескивала умывальную воду из дубовой бадьи, отказываясь смывать остатки сна со своих озорных заспанных личиков.

Хильда Шéппард, осанистая розовощекая фонарщица лет пятидесяти, шествовала по безлюдной мощеной улочке, соединявшей восточный и южный округа Наутгема, в одной руке зажав резервуар с керосином, в другой – стократно чиненную лестницу ростом с нее саму. Это был обычный маршрут и обычный гардероб Хильды, возвращавшейся с ночной вахты. Однако сегодня она имела оплошность воротиться домой несколько позже, чем следовало. И задержало ее одно весьма загадочное обстоятельство.

Миновав резиденцию Стотхэммов по восточной улице, Хильда было собралась привычно срезать путь к мостовой через неприметную тропу близ кукольного размера особняка – обиталища городского архивариуса мистера Лойда Шиперо. Самогó хозяина мадам Шеппард видывала изредка и никогда – при доме. На восточной улице его семейство обитало без малого два века, но после таинственного исчезновения Евандера Шиперо, всеобщего любимца и известного в этих местах старьевщика, безутешная Элиз – его жена и мать юных Бернэты и Лойда – скоропостижно скончалась, а последний и вовсе замкнулся в себе, отгородившись от всего мира в унаследованном им архиве. Ходили слухи, что Берни, как ее ласково прозвали с колыбели домашние, не вынесла братского затворничества и, не достигнув совершеннолетия, покинула отчий дом в надежде овладеть торговым делом, отбыв к тетушке в культурное графство Брумманс. Преемник скромного состояния, включавшего клочок высокоплодородной земли, к слову, ни разу с момента наследования не пользованной, симпатичного, но тесноватого жилища да ветхого архива, по праву считающегося городским достоянием, с момента отъезда сестры обратился в тень. Местные так и отзывались о Шиперо, чье присутствие в мире живых выдавал лишь смутный силуэт, разоблачаемый тусклым свечением окон архива, – покинутый всеми, даже самой смертью. Пустая жизнь и пребывание в иллюзиях по нравам времени считались моветоном, потому снисходительность и сострадание к соседу неизменно сопровождались немым укором.

В первые годы добровольного заточения Лойда бывшие друзья семейства пытались навещать безутешного сироту, приглашая на званые ужины, заглядывая с угощениями и просто справляясь о делах и здравии. Но уже спустя достаточный для скорби срок и те махнули рукой на впавшего в непозволительно долгую меланхолию Шиперо, взяв за привычку не докучать ему и лишний раз не навещать даже в архив. И все-таки находились такие, кто отличался долготерпением к чужому горю: к примеру, живущий в западной части Наутгема часовщик, еще с мальчишеской поры питавший к Лойду теплые чувства: отцы их водили крепкую дружбу, и сыновья покорно следовали примеру глав семей. Вот и доныне, как правило, по четвергам, когда молодая супруга отбывала в местный ораторий для песнопений, он заглядывал в архив к старому приятелю.

Но сегодня дню было уготовано, вопреки обычаю, идти внове. И первой, кому следовало блюсти новый порядок, была мадам Шеппард. Свернув на тропу, слева от которой располагались вечно пустующие уголья городского архивариуса, а справа простирался ольховый перелесок, Хильда, едва сделав пару шагов, в нерешительности остановилась и сощурилась.

Не то ее подводило до сей поры превосходное зрение, не то близ кованой изгороди взаправду лежал человек. Да не какой-нибудь человек, а сам хозяин особняка – старик Шиперо! Запугавшись не на шутку, фонарщица обронила свою поклажу и ринулась к неподвижному телу. Шиперо лежал под неестественным углом: создавалось впечатление, будто бедолага упал со всего размаху с верхушки дерева. Однако деревьев в радиусе ярдов восьми не значилось. Да и никаких других возвышенностей тоже – окрест одни верещатники, и только. Робко встав на колени, Хильда принялась всматриваться в мертвенно-серое лицо архивариуса. Пожелтевшие веки нависли над впалыми глазницами и еле заметно трепыхались, точно их владельца пленил тревожный сон.

– М-мистер Шиперо? – возвала она к нему вполголоса. – Святые мученики! Что же мне с вами делать прикажете...

Немного осмелев, женщина озаботилась послушать сердце бедняги. По ту сторону груди раздавалось мерное постукивание. «Жив, хвала всевышнему! Живой!» – вздохнула та с облегчением, хлопнув себя по лбу. Порешив, что больной дышит справно и вовсе не пьян, что хоть немного прояснило бы столь вопиющее безобразие, она слегка отстранилась и окинула взглядом отошального старика. «Да что это с ним... – терялась в домыслах Хильда. – Ужель напал на него кто?»

Сама себя не помня, мадам Шепперд стала наводить на старика прежний лоск, и так, и эдак орудуя замызганным фартучком по всему, до чего доставали одереженевшие руки. В порыве этом ее внимание привлекли невысокие башмаки с отворотом, некогда имевшие богатый медный окрас: насквозь сырые, с налипшей к подошве коркой болотного грунта, они явно повидали многое этой ночью. В городе уж пятый день кряду стояла засуха – грязи тут взяться неоткуда. Взгляд Хильды невольно скользнул к Аускриму – заболоченному лесу в небольшом отдалении от селения. Лес этот наводил страху даже на бывалых охотников. По старой Наутгемской легенде, его населяли болотные ведьмы, по ночам принимающие облик безобразных сов, от крика которых не спасали даже плотно закрытые ставни. Уж впечатлительная Хильда руку давала на отсечение, что никто в своем уме не ступил бы в Аускрим даже на йоту. «Но старик... Какой нечистый его чуть свет погнал в этот лес?» – захватило Хильду собственное воображение.

По малом времени в ведении пытливой мадам Шепперд оказались две запекшиеся раны на тыльной стороне правой ладони, лоскуток ольховой коры с жилета, глубокая прореха на брючине и пригоршня древесной трухи в некогда рыжей шевелюре.

– Вы от кого-то уносили ноги, мистер Шиперо, – констатировала Шепперд, деловито разглядывая физиономию пострадавшего. – Как же мне вас привести в чувство?

Повертев белокурой головой, она заприметила по другую сторону изгороди чугунный желоб, по-видимому, давно отслуживший водостоком. По-девичьи подхватившись, Хильда ринулась к желобу, зачерпнула в пригоршню стоячей дождевой воды и на полусогнутых ногах помчалась к больному. Соблюдая осторожность, она остановилась в шаге и опрокинула содержимое прямо на физиономию забывшегося глубоким обмороком архивариуса. Последний тотчас взвился в воздух, принялся отплевываться и откашливаться и, напоследок издав булькающий звук, завалился на бок. Совершенно сраженная бесчувствием господина, мадам посуровела и, по-журавлиному проследовав к его кругозору, произвела на свет свое возмущенное «фи»:

– Не изволите ли объясниться, голубчик, какого рожна вы здесь разлеглись?

Архивариус с трудом разомкнул веки, окинул предъявительницу отсутствующим взглядом снизу-вверх и болезненно зажмурился: с востока уже вовсю палило солнце. Судорожно припоминая события прошлой ночи, но толком ничего не вспомнив, он собрал остатки своей чести и, со скрипом опершись на локоть, уселся.

– Чудесный восход, мадам Шеппард! – склонил он голову в жалком подобии приветствия. – Похоже, накануне я совершил решительную прогулку, – и, бросив полный боли взгляд на пришедшую в негодность обувь, поспешил признать: – Только вот куда, не припомню.

В неясном предчувствии Шиперо стал себя осматривать. Конечности отекли, и кое-где зияли кровоподтеки. «Что же это? – сетовал он про себя. – Давно ли здесь эта плутовка Шеппард? Много ли она видела?»

Та в свой черед задавалась вопросами совсем иного рода и даже не помышляла лицедействовать. Напротив, мистеру Шиперо она благоволила, да и в ее природе зла заведено не было. Посему сочувствовала она ему со всей строгостью, собственной добродетели. «Эва как расчувствовался, голубчик! Того и гляди, совсем духом падет дорогой сосед...» – конфузила она самое себя.

– Не след, любезный, в вашем-то почтенном возрасте особняком от людей жить. А уж в совиный лес ходить – и подавно: ей богу, смерть там свою сыщете! – последнюю фразу Хильда для пушего эффекта саккомпанировала, обхватив руками собственную шею.

– Смерть-то, мадам, от удушья, должно статься? – не сдержал смеху измученный старик, глядя, сколь удачно мадам изобразила кончину.

– Паясничать вздумали? А я вас как увидела! Много какие слухи ходят об Аускриме... Вам ли не знать, мистер Шиперо! – предприняла та неловкую попытку ответить разом на все вопросы. – Я уж было подумала, вы того... Ага! Потом только умом дошла душу ощупать. А теперь вот... Сидите, фиглярствуете. Бог не обидел – так сосед осмеял, – и тотчас ее казистое лицо зардело, к глазам прилила сырость, фартук тут же устремился к носу – унимать дамскую слабость, как мистер Шиперо, наконец, изволил воспарить с насиженной земли навстречу любезностям.

– Ну что вы, мадам! – подхватил он второпях смуглую ручку фонарщицы. – И в мыслях не было докучать вам! Мне и самому толком не вспомнить... Лишь... А, впрочем, пожалуйста к дому! Могу я, ей-богу, отплатить вам за добрую услугу?

К еще большему замешательству воспрявшего архивариуса, Хильда выпятила грудь, совершила около дюжины энергичных движений головой из стороны в сторону и кинулась собирать опрокинутую утварь. Несколько мгновений спустя она уже, расшаркиваясь, извинялась за отвергнутое приглашение и желала скорейшего выздоровления, а еще через миг подол ее выцветших кринолиновых юбок уж скрылся из виду в ольховой сени.

– Вот же чудачка! – глядя ей вслед, почесал покрытую трухой макушку Шиперо и направился к дому.

Утром следующего дня, ровно в 7:30, Лойд неподвижно сидел на плетеной скамье крохотной веранды собственного дома. Рядом с ним стояли два чемодана для путешествий – с небольшим выбором туалетов и походными лекарствами. Одет он был парадно, что лично ему самому было не по вкусу. Новенький фрак из сукна табачного цвета, какие теперь носили только по деловому случаю, придавал ему шарма, но изрядно теснил плечи. Блуза и спинная часть пикейного жилета взмокли, не успел он переступить порог. Пестрый шейный платок под стать жилету грозился его задушить. А новые лаковые туфли с тупым носом – подарок Берни по последнему модному слову – дьявольски сплющивали пальцы ног, да так, что те устроили мыльную возню за место в строю.

Выстукивая каблучками дробь, как щеголь-зазывала, герой наш заметно нервничал. Последние сутки дались ему с трудом. Весь прошлый день он провел в постели, опаивая себя снотворным и тщаь уснуть. Назойливые думы никак не шли из головы. Молодой отец, окру-

женный нагими краснокожими воинами. Мать, сраженная холерой и бьющаяся в агонии. Хриплый безликий голос. Мерзкие ползучие твари, копошащиеся в камине архива. Непроглядный мрак и сырость болот. И крики, истошные крики армии сов, норových напасть со спины и выдрать кусок мяса из его трепещущей плоти.

К закату он таки способился извлечь свое существо из кровати и начертать короткую записку, адресованную его другу-часовщику, с просьбой доставить его ранним утром к поезду на Саппард.

Единственным способом сообщить о своих планах Гарольду было послать весть с кем-то из соседских сыновей, промышлявших в западной части города. Так он и поступил: облачился в первое, что попало под руку, и, прихрамывая, поплелся к Стоунам.

– Доброго здравия, Мириам! – отдал он приветствие, едва из-за отворившейся двери показался одутловатый профиль. – Не взывайте за мой нелепый вид, мне... Мне нездоровится, Мириам. Не окажете мне услугу по такому случаю?

Мириам, немолодая женщина в мешковатом домашнем платье и шелковом чепце, таившем в себе копну пепельного цвета волос, измерила озабоченным взором давно забытую физиономию и, тотчас спохватившись, расплылась в улыбке.

– А-а, мистер Шипе-еро! Покорнейше прошу! – поманила она его широких жестом в гостиную. – К такой редкой чести я велю Роберту накрыть на стол. Гусиная печенка, верно, уже подоспела.

И только она вобрала побольше воздуха в легкие, чтобы издать боевой клич, как Лойд поспешил расстроить ее планы.

– Что вы, Мириам, прошу вас: не утруждайтесь! Я строго по делу!

Мириам застыла в ожидании, и Шиперо, выудив из недр шлафрока клочок бумаги, протянул его ей.

– Смею просить вас об одолжении. Моя дорогая Бернет ждет меня с визитом в Бруммансе, и завтра же ранним утром я надеялся поспеть на поезд в Саппард. Поскольку я малость расхворался, не могли бы вы распорядиться доставить письмо моему доброму приятелю Гарольду в западную часть города?

Отерев руку о подол платья, мадам взяла письмо и однократно кивнула.

– Услужу вам, голубчик, будьте спокойны. Где, говорите, навестить вашего друга?

– Он часовщик, мадам. Трудится на Паут-Роджерс в собственной конторе. Кажется, это бывшая скобяная лавка.

– А-а, – понимающе протянула Мириам. – Ну что ж, будь по-вашему, дорогой сосед!

– Вы чудо, Мириам! Я ваш вечный слуга! – и, раскланявшись, архивариус удалился.

Жмурясь в борьбе со своими кошмарами и то и дело бросая нетерпеливый взор на дорогу, Шиперо просидел так с четверть часа. Когда из-за угла мостовой наконец показалась пятнистая лошадиная морда, архивариус облегченно вздохнул и, подскочив на ноги, окликнул кучера:

– Гарольд!

Дюжий смуглолицый господин осадил жеребца и спешил.

– Поторопись, братец! Упрямое животное никак не желало сегодня становиться к возу, и я немало умасливал ее, теряя драгоценное время. Того и гляди не поспеем!

В два счета миновав палисад, осанистый господин ухватился одной ручищей за большой чемодан, а другой спешно похлопал по плечу старого приятеля и зашагал обратно к коляске. Спустя считанные минуты они уже неслись во всю прыть по мощеной мостовой.

– Что за спешка? – Гарольд норовил перекричать истошный стук колес, чуть нагнувшись к приплясывающему на кочках пассажиру. – Берни здорова?

– Бог с тобой! – что есть мочи возразил тот. – Ты сочтешь меня полоумным, старина, но мне нужно на время затаиться.

Тот вытянулся лицом, но до самого прибытия к станции боле не проронил и слова.

Потянув за вожжи у входа в большой вестибюль вокзала, возчий наскоро управился с багажом и помог изморенному дорогой Лойду спуститься с двуколки.

– Мне следует волноваться за тебя? – посерьезнел Гарольд и, водрузив могучую пясть на плечо друга, сжал его с такой силой, что хиреющего на глазах Шипéro еще пуше напружило к земле.

– Полно тебе, – расплылся в горькой гримасе Лойд, вырываясь из медвежьих тисков. – Что со мной станется? Должен признать, здоровье меня подводит. Старая перечница Шеппард эти толки разнесет по всей округе еще раньше, чем ты, голубчик, тронешь поводья. Ну... – тут глаза архивариуса замаслились, и он притянул к себе приятеля, взволновав того тесным объятием. – Прощай, друг! Печали не таи.

С тяжелым сердцем распрощавшись и вослед обменявшись ободряющей улыбкой, приятели побрели каждый своей дорогой.

Сделав две коротких остановки – наперво в Либерсе, военном городке, затем в Саус-Риджен, прежде округе рабов, – поезд доставил пассажиров на шумную платформу Саппарда с многоарочным залом ожидания. Мистер Шиперо, водрузивши на лоб шелковый цилиндр, шагнул на тонуший в угольном мареве перрон и стал изучать разномастную толпу на предмет носильщика. Много времени это не отняло: Саппард, хоть и служил промышленным центром Лимен-Деи, все же пестрил на манер периферий вольными тружениками, добывающими свой кусок хлеба послужным³ промыслом. То тут, то там между толпами пассажиров и встречающих сновали шустрые юнцы с багажными тележками. У окон вагонов переговаривались с дальними пассажирами продавцы желтых газет и торговцы полпенсовыми сэндвичами не первой свежести. В тени у арок хлопотали чистильщики обуви. А под яркими афишами, предлагающими посетить театральные постановки, выставки картин и бродячие музеи, значились билетеры, почасту сами являвшие собой актеров и заявленных на плакатах художников и чревовещателей.

Дюжий уотермен лет шестнадцати на вид в холщовой ковбойке сманеврировал по направлению к нашему герою и вызвался помочь с багажом.

– Сэр! Позвольте проводить! – и, не дождавшись ответа, конфисковал у Шиперо обе ноши. – Куда направляетесь?

– Экипаж до Айрон-Хаус! – выкрикнул тот. В вокзальной сумятице невозможно было стоять на одном месте, и Лойду пришлось буквально гнаться за своим носильщиком, чтобы не упустить вещи из виду.

– Пожалуйте, сэр! – юноша кивком указал на угол вокзала, где топтались частные извозчики различного происхождения.

Пробравшись прямо в гущу столпотворения, парнишка подозвал своего вояжера и ткнул пальцем в двух мужчин сомнительной порядочности.

³ Послужный (от слова «услуга»), послужный промысел (авторский неологизм) – заработок, основанный на оказании быстрых услуг приезжим.

– Он и он – оба уроженцы Саппарда, надежные и быстрые. У Джо, – юноша нацелил палец на одного из них, убеленного сединами, – полный галоп, если спешите.

– По рукам! Ведите Джо, – ввязался в авантюру старик и рассчитался с уотерменом.

Юнец не обманул: лошадь неслась во весь опор. К вокзалу Айрон-Хаус экипаж домчал авансом, и у Шиперо осталось достаточно времени, чтобы подкрепиться в дороге. Он зашел в почтовую контору и, не касаясь частностей, телеграфировал сестре о своем скором приезде.

Отобедав в придорожном буфете и даже недолго послонявшись по окрестностям, Лойд вернулся к вокзалу и, сверив время отправления по огромным настенным часам, двинулся на назначенную платформу.

Попутчиков в Брумманс все прибывало. Публика была разношерстной, как и полагается вмещать в себя городу с множеством транспортных развязок. Чтобы хоть как-то скоротать время, Лойд принялся изучать толпу. «Экое обилие женских лиц!» – подумалось ему. Богородные барышни в пышных юбках и с тонкими талиями, маленькие мисс в миниатюрных сорочках и кружевных фартучках, пестрая прислуга при своих хозяйках – в скромных униформах, но подчас и те не могли скрыть природного очарования. Было здесь в избытке и пожилых леди, раздающих светские улыбки таким же возрастным кавалерам, и падших женщин, легко узнаваемых по наличию посторонних красок на лице и полуприкрытому стану.

Задержав заинтересованный взгляд на черноволосой чаровнице с кожей цвета оливы, Лойд с тревогой отметил, что и сам является объектом наблюдения. Некто, завернутый в траурный, неестественно длинный макинтош, сверлил его пустыми глазами из-под копны спутанных волос. Чтобы окончательно убедиться в том, что жертва преследования и есть он сам, а не кто-то позади, Лойд завертелся на месте и стал вглядываться в попутчиков. Никого, кроме него, кажется, не интересовала подозрительная фигура в странных одеждах. Однако, когда он было обернулся, чтобы рассмотреть незнакомца получше, того и след простыл.

Не успело воображение старика разыгаться, как послышался звук приближающегося локомотива. Шум толпы усилился, теперь больше напоминая жужжание растревоженного осинового гнезда. Со всех сторон хлынул поток людей, образуя толчею у каждого входа в вагоны. Теперь, чтобы не остаться без места, следовало прокладывать себе дорогу через визгливые крики женщин, чьи наряды непременно подвергались неаккуратному обращению, и многочисленный багаж, всякий раз преграждающий путь ногам.

Кое-как – чему помог настойчивый сигнал к отправлению – люди расселись по местам. А те, кому места не хватило, расположились на собственных саках⁴: как правило, это были простолюдины, слуги и беснующаяся ребятня. Хотя, если не касаться частностей, простолюдинами в вагонах третьего класса были все. Те, кто мог позволить себе путешествовать в купе первого класса, разумеется, были избавлены от необходимости соревноваться за удобства.

По левую руку от Лойда устроилась пожилая чета – дряхлый старик и сгорбленная жизнью старуха. Нищета и голод, кажется, не только не сломили их былой любви, но и укрепили духовную близость: они нежно ворковали друг с другом, держась за руки, и посмеивались над чем-то, понятным только им одним. Заерзав, Лойд перевел взгляд на теснящуюся напротив прислугу подле своих господ. В голове закружили смыслы: «И почему жизнь устроена так, а не иначе?» Не сумев вынести внутреннего давления, Лойд отказался от путевой философии и принялся осматривать остальных попутчиков. Некоторые выглядели и впрямь довольными своим пусть и незавидным, но прочным социальным положением. «В конце концов, – подума-

⁴ Сак – мешок, как правило, из плотного материала, служащий для перевозки вещей.

лось старику, – каждый сам плетет узор своей судьбы. И сострадать чуждой душе – все равно, что обессмысливать ее путь и умалять ее право на акт свободной воли».

Шиперо выискал глазами ту самую черноволосую головку, сидящую двумя рядами дальше, и, борясь со смущением, дал себе вольность выдумать ей имя: «Леонора... Нет, пожалуй, слишком официозно. Ее имя должно быть чувственным и мятежным, как океанский прибой. Элен. Аделия. Да-да! Аделия – впору. Это имя не угодницы, а женщины высоких нравственных идеалов. С этим именем она могла бы разом разбить дюжину мужских сердец».

Пока наш герой, воспрявший духом, упивался несбыточными грезами, главным объектом которых была очаровательная и уже не безымянная незнакомка, некто – сторонний наблюдатель – угадывал его мысли.

К полуночи добрая часть лавок обезлюдела. Один за одним, чета за четой пассажиры покидали поезд, в сумерках различая очертания мест своего назначения. Лойд дремал, сморенный работой воображения и сердцебиением железного коня. Невзирая на то, что скамья, которую он делил с еще пятью попутчиками, опустела и теперь он мог расположиться удобнее, глубокий сон никак не шел. От непривычки спать в дороге спина немела, ноги налились свинцом, а руки, не желающие выполнять роль подголовника, сводило судорогами. очередной раз ворочаясь в надежде сыскать удобства, Шиперо краем зрения уловил уже знакомый ему блеск глаз. Он принадлежал тому самому незнакомцу с перрона. Окончательно проснувшись, старик распрямился и уставился на своего преследователя. С минуту они молча буравили друг друга взглядами: Шиперо – выказывая осуждение и смущение, незнакомец – сохраняя высокомерие и непроницаемость.

– Ну уж нет! – шикнул старик, терпение которого лопнуло. – Довольно с меня сумасбродства!

Он решительно вскочил со скамьи и нарочито угрожающе направился к единственному, кроме него самого, бодрствующему пассажиру в вагоне.

– Любезный! Извольте объясниться! Что это вы себе позволяете – так бесстыдно нарушать покой порядочных мещан!

Незнакомец, по всей видимости, ожидал и даже алкал сего случая, ибо его пустое лицо не выказало в ответ ни изумления, ни беспокойства, ни неловкости. Взамен оно излучало полнейшее воодушевление.

– Присядьте, мой друг. Вы растревожите сладкие грезы наших соседей, – речь незнакомца содержала в себе неизвестный Шиперо акцент, а голос, словно источаемый джином из пустот мифической лампы, был подобен шелесту ветра.

Руководимый инстинктивным трепетом и слегка пристыженный старик приземлился супротив странного господина и, не моргая, принялся изучать его безжизненное лицо. Невдомек ему было, что именно в этом лице выдавало безжизненность: то ли отсутствие каких-либо чувств, то ли его восковой цвет, то ли водянистые глаза. Незнакомец не спешил заговорить, да и у самого Лойда язык будто отнялся, а былой запал рассеялся, как дым. Что-то в этом спутнике позволяло себя узнать, но старик не мог смекнуть наверняка.

Немое знакомство переросло в одностороннее напряжение, и Лойд не выдержал:

– Я могу вас знать?

Ответ последовал незамедлительно:

– О, я совершенно убежден в этом. Вы заприметили меня еще на перроне Айрон-Хаус, помните? – реплика была приправлена издевкой, однако ни один мускул на лице ее адресанта не выдал этого.

Шиперо уразумел: никакое соблюдение аристократических манер в беседе с этим господином заранее не учтено. Поэтому, будучи сам человеком чистосердечным, он возрадовался возможности говорить без околичностей и пошел направо.

– Ваша правда. Но вы мне, прошу простить мою прямоту, уже тогда кого-то напомнили. Мы не встречались прежде?

– О, уверяю, мистер Шиперо, ваше допущение беспочвенно! Вы никак не могли повстречать такого, как я, нигде прежде.

Волосы на голове архивариуса зашевелились. Мало того, что незнакомец своим интригующим способом повествования явно темнил, так еще и точно знал, ко всему прочему, с кем имеет дело!

– Но... Коль мы ранее не встречались... Откуда, не обессудьте за докучливость, вам известно мое родовое имя?

– Оттуда, голубчик, что я здесь неспроста. Я вас, если угодно, сопровождаю.

Физиономия Лойда вытянулась в длину, глаза полезли на лоб, а челюсть отвисла. Не смея проронить ни слова, он подавился воздухом и подскочил с места, как ужаленный.

– Это пр-рследование! – возмущенно взвизгнул он, прячась за спинку деревянной скамьи. – Я вынужден настаивать, чтобы вы прекратили учиненное вами беззаконие! И что это, позвольте, значит – «сопровожаю»? Вы... Назовитесь же немедленно!

– Едва ли это спасет ваше положение, – сохраняя полное хладнокровие, молвил неизвестный.

Невзирая на крайний испуг, Лойд заподозрил сходство в манерах двух новых неприятелей: голоса из камина и этого господина. Разницей их речевого этикета было разве что наличие у последнего диковинного акцента. Ни один из известных ему иноземцев подобного не имел.

– Я приказываю вам покинуть этот вагон и оставить происки! Не то я... – в неуверенности, разумно ли грозить человеку, столь мало знакомому, Лойд осекся.

В вагоне стояла тишина, прерываемая лишь мерным стуком вагонных колес. К пущей странности, шумная сцена не коснулась покоя дремлющих пассажиров. Дурное предчувствие овладело стариком, и он попятился к своему месту, не сводя глаз с обидчика. Вскоре он уже жался к выходу из вагона, стиснув в руках свою поклажу, и молил богов о досрочной остановке.

Какой же ошибкой было зажмуриться! В этот самый миг подле него возник силуэт человека в макинтоше. В ушах больно засвистело, внутренности скрутило в ледяной ком, по коже пробежал мороз. Рука незнакомца – безобразная кисть с ненатурально длинными пальцами – мертвой хваткой сомкнулась на плече старика. Периферийным зрением, не в силах сопротивляться, Лойд заметил железную вязь на запястье сковывающей его руки. Мгновение-другое, и слух пронзил чудовищный скрежет стальной магистрали: поезд экстренно тормозил. В следующий момент двери с вызовом распахнулись, и та самая рука в оковах вытолкнула Лойда из вагона напрямик в ночную пустошь. Можно было подумать, что упасть ему было уготовано на заранее условленный перрон. Но случай распорядился иначе: взамен бедняга пролетел по меньшей мере пару ярдов и с размаху приземлился навзничь в степную грязь. За ним крутым пике прилетели оба чемодана: тот, что побольше, угодил старику прямо в зашеек, окончательно помутив сознание.

Способен ли он оценить сей урок? Смеет ли надеяться в тиши этой услышать собственный протест? Пока герой наш просто лежал. До основания уничтоженный. До глубины своей израненной души объятый страхом. Верно ли уповать на услышание молитв? Пожалуй, что нет. Запах мокрых сорняков, холодная топь земли, окоченевший воздух. Кто он? Зачем он здесь? Принадлежит ли он еще этому миру? Способно ли его сердце прекратить свою службу по велению рассудка или пусть хоть из жалости?

Лойд не знал, читал ли кто-то его мысли, видел ли распростертое, как сломанная кукла, тело, слышал ли мольбы и глухие рыдания. Но из ниоткуда, точно сам воздух принял одушевленную форму в погоне за нарушившим священную тишь степей, подле его лишенной чувств руки села птица. Вне сомнений, птица эта была сущей. И будь она хоть стервятником, птица

стала для Лойда глазами бога, материнским дыханием, шепотом судьбы. Это крохотное пернатое существо. Этот скромный намек на достоверность бытия...

Присутствия птицы, едва различимой в предрассветной тьме, оказалось достаточно, чтобы герой наш вновь обрел подлинный смысл его жизни – быть: не суть, зачем, просто быть.

Сколько времени он брел на ощупь по черной жиже, спотыкаясь о рваные раны великой равнины, Шиперо не ведал. Скупая ночь никак не желала уступать полномочия живительному свету, и пока все, что оставалось степной живности, – это благодарить свое естество за способность сохранять остроту чувств. Дабы не сбиться с пути и дойти хоть куда-нибудь, старик плелся напрямик, не сбавляя темпа и не вихляя. Под локтем одной руки он зажал безнадежно испорченную шляпу, другой волочил поклажу, в сердцах браня себя за малодушие – нежелание избавиться от этого бремени.

Спустя два, а может, и три часа ходу, ноги обмякли, хватка ослабела, горло саднило от жажды. Остатки мужества не позволяли его измученному телу даже ненадолго помедлить и дать себе роздыху. Но вскоре – никак, мрак уступил его воле – небо озарилось лучами восходящего солнца. Не будь наш скиталец так опьянен глотком света, словно лишенный зрения калека, вмиг прозрел, он обнаружил бы перемены, застигшие небесное светило. Сегодня солнцу должно было положить начало неким событиям. Солнце – покровитель всего живого, – дабы не вставать на пути уготованных брэнности событий, обязалось, согласно пророчеству, отдавать свет, не даруя тепла. Отныне, пока солнце кровоточило, обрекая бытие на мор и погибель, смертным полагалось неуклонно следовать воле богов, спасая свои жизни и возводя врата к божьему порогу.

Меж тем Лойд, приладившись зрением вдаль, заметил орду овец эдак в четверти миль от себя. «Коли есть овцы в этих забытых богами землях, значит, есть при них и пастух», – заключил он и поковылял в направлении пастбища.

Когда цель уж зрима, и шаг становится легче. Вот и герой наш одолел расстояние до пастбища с кошачьей ловкостью. Овцепас при относительно небольшом стаде скота действительно был, но оказался он не ленным старцем, как заведено, а лихим мальчишкой лет девяти. Приближающегося чужестранца юноша заметил много раньше: видите ли, зоркость есть главное оружие пастуха против дикого хищника. По мере приближения господина в необычных для здешних мест одеждах, к тому же, увенчанных лохмотьями грязи, пастушок все более уверялся в том, что тот сбился с пути и спешит за подмогой. Наконец, прилично сократив дальность, Лойд освободился от багажа и замахал что есть мочи руками:

– Славный юноша, укажите мне дорогу в ближайший город, молю! – Крик рассеивался по ветру, и старику пришлось изрядно напрячься, чтобы просьба достигла ушей пастуха.

– Господин, поблизости нет города. Вы в Степридже! Здесь только степь и несколько фермерских угодий.

«Степридж, Степридж...» – Шиперо хаотично вспоминал, какая остановка была последней в его памяти пред тем, как он совершил неурочную высадку. Места были совершенно незнакомыми, и ландшафт напоминал скорее восточную часть страны. Здесь, на северо-западе, поселения разделялись густыми лесными массивами и небольшими горными хребтами. Наличие равнин Лойд никак не мог восстановить в памяти. Теряясь в догадках, он решил не искушать судьбу и прежде добраться до ближайшего места, где могла быть вода. Соблюдая почетное расстояние, чтобы овцы были спокойны, Лойд снова окликнул мальчишку:

– Сдается мне, я свернул с нужного мне пути. Любезный, где я могу просить ночлега?

– Вам нужен Ленни! – пастух кивнул затылком в сторону лесного островка примерно в миле от них. – Он голова, – и мальчик ехидно пощелкал пальцем у виска.

– Премного обязан! – старик откланялся, взвалил свою ношу и побрел, куда велено.

Одежды на нем успели обсохнуть, покуда он добрался до сельскохозяйственных угодий. Близ каменной изгороди, отделявшей худо-бедно распаханное маисовое поле от неплодородных степей, ютился рукотворный пруд, по-видимому, служивший водопоем для скота. Подобравшись ближе, Лойд стянул с себя тесный фрак и с упоением по грудь окунул распаренное тело в спасительную жидкость. Удивительно, как в пору острой нужды начинаешь ценить простые земные радости!

Всласть напившись, он смыл с себя остатки грязи и собрался в дорогу. Чтобы добраться до приземистого строения, следовало миновать поле; парадного двора видно не было. Шиперо кое-как перемахнул через забор, предварительно перебросив вещи, и направился через злаковую саванну к порогу человека с именем Ленни.

Не успел он пересечь и половины поля, как позади раздалось низкое рычание. Огромный облезлый пес неизвестной породы, злобно скалясь, медленно подбирался к вторженцу.

– Ох же... Уступи, голубчик, полно, – Лойд потупил глаза, признавая себя без боя побежденным, и попятился вглубь маисовой насади⁵.

– Фабиан, проклятый дурак, прочь! – с противоположной стороны пешеходной кромки вышагнула худошавая косматая фигура. Житейская мудрость, читающаяся на лице незнакомца, выдавала в нем глубокого старца, однако летá были к нему благосклонны и не обезобразили кожу сеткой морщин. Вместо этого долголетие украсило его голову – длинные, как конский хвост, волосы цвета чистого серебра были забраны в тугие косы. Одной рукой приносив за холку служивого пса, старец внимательно изучал незваного посетителя.

– Кто будешь? – вопрос прозвучал ровным тоном, словно вторжения чужаков были для хозяина привычным делом.

Лойд ступил на свет из-за кустов, изо всех сил стараясь выглядеть добропорядочным человеком.

– Сэр, – приложил он свободную руку к измученной груди, – я Лойд, Лойд Шиперо, из Наутгема к югу от Саппарда. Не взыщите, по ошибке я здесь... Я... Уж не знаю, чего и добавить. Ведь я шел к вам просить помощи.

– И чем я могу быть полезен человеку в деловых одеждах? – хмыкнул дед.

– О, что вы! Я и сам себе не рад. Дело в том, что я держал путь в Брумманс и... Вышел остановкой раньше... Нисколько не нарочно.

– Чудеса-а, – прервал тот неправдоподобную легенду и, высоко задрав голову, уставился в небо. – Я с самого восхода ждал недоброго. Солнце прогневалось на нас, смертных.

Лойд последовал примеру старца и задохнулся от изумления: «Мать земля, правду говорит старик! Солнце-то багровое!» С минуту обе головы озирали загадочное явление, пока у того, что постарше, не отекала шея.

– Ты вот что, сынок, следуй-ка за мной, – и старик, пошатываясь, заковылял к своей обители.

Остаток пути Лойда одолевали тяжелые предчувствия. Что, если пророчества не лгут? Последние несколько суток были подобны страшному сну, помрачению сознания. И Лойд уже было списал их на предсмертную меланхолию. Спешная отлучка из Наутгема была для него чем-то вроде бегства от себя самого, от одинокой каждодневности, снедающей его волю к жизни, растлевающей животворящие части его брэнной души. Теперь же красный лик солнца заставил его принять дурной сон на веру. Как ни старался он стереть из памяти леденящий кровь безликий голос, какие бы усилия воли ни призывал, чтобы перестать возвращаться мыслями к кошмарной ночи в лесу, чем бы ни объяснял себе случившееся в поезде, противиться тщетно. И только божба отца из тревожных сновидений по-прежнему не укладывалась в про-

⁵ Насади (авторский неологизм) употребляется как производное слова «сажать», «подсадка».

роченную старику участь: «Мой сын не может быть последним. Я найду избранного, клянусь богом!».

– Фабиан не зловредный. Он сторожевой, но на людей не бросается. Во всяком случае, в здешних местах нечисти – сколь у моего пса блох, – как бы между прочим увещевал старец.

Решив перевести беседу в будничное русло (хотя оно и понятно, что нечисть в жизни Лойда – с недавних пор явление весьма обыденное), Лойд определил багаж к подножию деревянной лестницы и продолжил знакомство:

– Прекрасный дом, сэр! Это ваше родовое поместье?

Владелец дома с деланным безразличием отмахнулся, устраиваясь на ступенях:

– Эта развалюха принадлежала кретину, стяжавшему смерть от этих самых рук, – потряс он теми пред собой. И, завидев потерявшую в цвете физиономию гостя, старик разразился хохотом. – А? – указал он тощим пальцем на дырявый череп, украшающий парадный вход. – Мерзкий был тип.

– Чем же он заслужил такое, сэр? – Лойду пришлось признать себе еще в одном: мир, от которого он прятался столько лет, изменился до неузнаваемости. И жестокость в этом новом мире, по-видимому, стала в порядке вещей.

Старец уставился в пустоту пред собой и поморщился, словно вспоминая грех убиенного. Не спеша себя оправдать, он выудил из воловьих сапог самодельную глиняную трубку, кисет с табаком и целиком отдался заправочному ритуалу. По некоторому времени лицо его скрылось за табачной дымкой, и из тех же сизых глубин последовали подробности:

– Сукин сын встретил меня у этих самых перил, почитай, полвека тому назад, когда я бездомным простолудином ходил по миру искать ремесла. В тот же час он предложил мне чистить стойла и жить там же, делить кров со скотиной. На том и условились. Через пару дней я вогнал ему вилы в грудь. Жена его... Милая женщина! Часто стонала от мужних побоев. Мда... В общем, я не стерпел и порешил его прямо в его доме, на глазах Мадлен... – Старик снова крепко затянулся и прикусил нижнюю губу. – Потом было много счастливых лет, моих и Мадлен. А голову этого подонка я выкопал много позже, на память жене. Плохой сон, знаешь ли, ее изводил. Ну, я и достал этого... Так сказать, в укор ее кошмарам.

Лойд сочувственно потряс головой и кивнул в сторону сучающего пса:

– Сэр, а что за зверь такой? В наших местах не сыскать никого похожего.

– А-а, Фабиан у нас заморский. Нравится, да? Приплыл сюда на корабле, еще щенком. Я тогда у канала встречал припасы, и перекупщик отказался выдавать мне наличности за недовес. Вот и всучил мне лысого зверя. Я еще подивился: не хворый ли? Уж больно свиноподобный он был! Мадлен как его увидела, так сразу прониклась жалостью. Ну, и дала ему имя книжное какое-то. Она такая была, моя Мадлен... – Лойду почудилось, что глаза старика замаслились. – Живуч он оказался. Ел наравне, ну, а шерстью так и не разжился. Страж он надежный: вон как быстро тебя учуял! – и возгордившись, он потрепал зверя за морду.

– Право слово, надежный, – просияв, поддержал справедливую похвальбу Лойд. Уж больно редкая внешность была у собаки. Когда-то и он был хозяином изумительного пса. «Но, – с горечью подумал Лойд, – все это уже поросло забвеньем».

– Говоришь, Шиперо твоя фамилия? А о чем она говорит? – поинтересовался старик.

– Праотец мой взял эту фамилию, чтобы уберечь семью от гонения. Мои предки были кочевниками.

– А-а, – многозначительно протянул тот и кивнул, будто хорошо понимал, каково это – быть кочевником. – Ну, пошли в дом, сынок. Назавтра вызволю тебя отсюда.

К обеду следующего дня убогая двуколка, поводимая бравым Ленни, несла Лойда в ближайший населенный пункт у бухты Уолпул, откуда, по словам старика, каждый вечер в портовую столицу Флейт-Айленд отправляли почтовую карету.

С завидной регулярностью давая отдых жеребцу, путники добрались до окраины городка уже на закате. Перебросившись парой слов со встречным прохожим, Лени клацнул вожжами, и спустя четверть часа они прибыли к некой пародии на почтово-телеграфную станцию. Предполагалось, что там Лойд пересядет в карету для пересылки писем. Низкорослый кучер, по совместительству почтмейстер, казалось, не особенно обрадовался компании чужеземца. Положение спас Ленни, уверивший того в солидном вознаграждении по прибытии. Старик озорно подмигнул Лойду и благословил его в путь, воздев над собой растопыренную пятерню.

По прибытии к главной магистральной улице Флейт-Айленда герой наш занемог. Суточное путешествие сопровождалось шквалистым ветром со стороны моря, а поскольку почтовый путь пролегал аккуратно вдоль каменистого побережья, спрятаться от бушующей стихии было негде. Из Флейт-Айленда Лойд был намерен отбыть следующим утром. А пока, воспользовавшись наводкой почтового кучера, решил заночевать на местном постоялом дворе.

Полуподвальное помещение с бесцветной вывеской «Дорожный ночлег» не внушало симпатии. Лойд прикинул, со сколькими видами ползучих тварей, обитающих в этом хлеву, ему придется делить постель ночью, и инстинктивно поежился. Отправиться под покровом ночи искать себе другое – более благопристойное – прибежище он не имел ни сил, ни желания. В носу осела сырость, лоб саднил, а конечности и вовсе окоченели. Смирившись с неизбежным, старик зашагал по догнивающим ступеням вниз и оказался в прохладном подземелье. Знать бы ему тогда, что несколькими днями позже этот убогий приют будет вспоминаться ему теплой колыбелью...

Заснуть на ложе из тюфяка, набитого влажными опилками и сеном, было выше его сил. Не в пример пышным пружинным кроватям, содержимое этих нищенских дощатых коек то и дело больно впивалось в кожу, стоило только уставшему телу слегка обмякнуть. Ключа носом, Лойд уселся и зажег огарок зловонной свечи. Чтобы хоть как-то отвлечься от чесотки и немочи, он пошарил в полупустой прикроватной тумбе и извлек из нижнего отсека полинялую книжицу. Бугристая кожаная обложка пустовала. Вместо этого на морщинистом корешке переплета значился чудноватый узор, напоминавший амфору, но в умышленно незаконченном художником виде. Призвав все свое профессиональное чутье, Лойд принялся за изучение вещицы. Изнанка напоминала молитвенник или поэтический сборник на незнакомом даже опытному глазу языке. Буквы, если можно так выразиться, походили на эскизно изображенные части тел разных существ, накарябанных невесть каким красителем ржавого цвета. Лойд спешно выудил из чемодана лупу и пригляделся. В заголовке на одной из последних страниц размещалось четыре знака подряд: первый явно имитировал человеческое ухо, второй был чем-то вроде птичьей лапки, за ним изображался глаз – судя по вертикальному зрачку, кошачий, а последним значился неровный предмет наподобие камня с острыми краями. Основное содержание под заглавием поддалось расшифровке лишь при помощи лупы. От хаотичного нагромождения крохотных символов зарябило в глазах.

Лойд принялся к шрифту и в творческом забвении забубнил:

– Охра. Жженая. Патетично! Материал страниц мягкий, пшеничного цвета – чистый велень⁶, без примесей. Буднично. Но очень высокого качества. Вероятно, из шкуры еще не

⁶ Велень – тонкий пергамент из телячьей кожи.

рожденного бычка. А вот обложка... Обложка имеет весьма специфический аромат... – Лойд в ужасе содрогнулся: – Такой запах присущ разве что... Святая земля! Это человек!

Сон как рукой сняло. Старик принялся с бешеным энтузиазмом листать страницы. Записи на каждой из них были обрамлены незамысловатым орнаментом той же природы, что и сам текст. Кое-где проглядывали пятна от масла и жира. Они могли быть оставлены уже позже. Тайна происхождения рукописи захватила бывшего архивариуса. Взять с собой рабочую утварь было как нельзя верно. Без лупы он бы едва разобрал и дюжину знаков, из которых складывались своего рода слова. Те, в свою очередь, представляли собой разного рода комбинации. Самую длинную из них Лойд встретил сбоку от изображения четырехконечной горы. Ее составляли подряд одиннадцать символов, где фигурировали только человеческие части тела: две ступни, уста полумесяцем, ладонь, еще две ступни, три пальца – большой, указательный и средний, глаз, опять уста и снова две ступни. Причем само изображение Лойд смутно узнавал. Где-то ему уже доводилось видеть эту четырехконечную гору...

Он бы так и провел всю ночь напролет за изучением неизвестного языка, если бы не изрядно ослабевшее зрение: всю дорогу до Флейт-Айленда чертовски сильный ветер слепил глаза, вонзая в них прибрежный песок, и теперь те безостановочно свербели и слезились.

Отложив до утра идею вывести у домовладелицы историю обладания этим таинственным писанием, Лойд задул свечу, растянулся на тюфяке и забылся сном.

– Мадам, мое почтение! – Шиперо тянул за собой поклажу в направлении буфетной с покосившимся и претендующим на античную наружность бюро. За ним грациозно, с видом дворцовой распорядительницы восседала хозяйка постоянного двора.

– А-а, мистер Шиперо, наш высокий гость! Выглядите ладно! Вам бы откусать горячего. С минуты на минуту я подаю птичье рагу – настаиваю подкрепиться. Путь-то не близкий!

Мелис Ажераль была хрупкой леди преувеличенной деловитости. Явно уроженка крайнего запада, явно провинциалка. Намедни, встречая позднего гостя в холле, она была чем-то озабочена и пренебрегла манерами гостеприимства. Оттого невзыскательный к радушию Лойд всю ночь терзался голодными коликами. Сегодня же путь предстоял долгий, и раз к хозяйке вернулось благорасположение, сытная трапеза была бы весьма кстати.

– О, с большим удовольствием, Мелис! А пока... Позвольте старику маленькую радость, – тон его звучал заговорщицки, и Мелис с просительной интонацией хмыкнула. Он продолжил: – Не поймите неправильно... Свеча истлела, а я надеялся еще немного почитать на ночь. Ну, и дернул меня дьявол искать ей замену в тумбе, что при кровати. А там... Вот эта вещичка.

Лойд представил рукопись взору хозяйки. Та робко протянула тонкую руку и, позаимствовав находку, принялась ее осматривать. Через мгновение она вручила ее обратно, даже не заглянув в содержание.

– Ума не приложу, что это. Не я владелица этой вещи. Никак вчерашний постоялец позабыл? Дора – моя экономка – в канун вчерашнего дня прибиралась в той комнате и словом не обмолвилась ни о чем таком. А она девушка порядочная, ничего не утаит. Уж не знаю, чем помочь вашему любопытству, мистер Шиперо.

– Простите великодушно, мадам Ажераль, мою бесцеремонность. Кто же тот постоялец, что гостил до меня в этих комнатах?

Мадам подняла тонкую бровь и испытующим взором окинула пожилого интеллигента. Впечатление пройдохы он не производил. «Даже коли он человек умственного труда или сыщик какой, вреда от него не будет», – подумалось ей.

– Я ужогу вашему неравнодушию, мистер Шиперо, а взамен вы посулитесь помалкивать о моей услуге. Не подобает моему долгу частные тайны делать достоянием гласности, – и мадам с деланной обстоятельностью воззрилась на ученого гостя.

– О, нечего и говорить, мадам! Слово чести: мои уста – слуги безмолвия! – обычая ради, старик пригубил главный за молчание палец.

– Будет вам, – ее тонких губ коснулась тень улыбки. Проникнувшись своей правомочностью, она склонилась над книгой постояльцев и, недовольная увиденным, рассеянно распрямилась. – Ума не приложу, как так случилось, да не записан он в домовой книге.

Лицо ее приняло озадаченное выражение. Повисло молчание. Наконец, мадам с виноватым видом принялась распинаться, будто перед ней стоял не какой-то там подозрительный субъект, а сам страж порядка.

– Понимаете, милейший... Господин тот явился чуть свет. Я тогда вся в заботах была и, сдается мне, преминула зачислить. Так вот... Не успела я на обход, – продолжала лепетать хозяйка, – к полудню это содеялось, а он и отбыл. Сунул мне... Вот, взгляните, – Мелис выудила из недр приходной книги пустилку серебряную монету. – И поминай как звали.

Сама немало заинтригованная случившимся, о чем говорил прищур ее миндальных глаз, она уставилась на старика и смешно сложила ручки в надежде снискать сочувствие.

– Право слово, забавный случай! – расплылся в улыбке плут Шиперо, стремясь хоть сколько-нибудь угодить мадам. В голове его между тем рождалась череда мрачных подозрений. Опасаясь выдать себя, он пошел против истины: – Мелис, право, душа моя болит не за личность вашего постояльца. Увы, я не совладал с пытливостью и краем глаза ознакомился с документом. Книжица эта непростая! Ей самое место в государственных архивах. И если кто увидит ее здесь... Не подумайте ничего скверного! А все-таки ни к чему вам, душенька, такие неудобства, – и он умолк, придав себе, насколько это возможно, чиновничий вид.

Хитрость сработала должным образом: мадам пришла в ужас. Еще бы! Ведь жители городов, промышляющие приютскими услугами, несли налоговое бремя перед верховной канцелярией. Никто, кроме богаделен, не был избавлен от него. Посему давать поборщикам налогов лишний повод для дознаний охоты ни у кого не было. И мадам Ажераль не была исключением.

Открыв было рот, чтобы выступить против несправедливости в свой адрес, она беспомощно повалилась в кресло.

– Так... Как же, – запричитала мадам, – велите мне рассудить? Я едва концы свожу! С содержанием подвалов не забалуешь... А матушку экая болезнь сломила... – взволнованный тон перешел в жалобные всхлипывания.

– Голубушка, не корите себя! Я и сам, признаться...

– То плесень, чтоб ее! А то крысы! – заголосила та, не на шутку растревожив собеседника.

Шиперо одним прыжком преодолел край стола и, немало удивив сам себя, кинулся осушать горячие слезы бедной леди собственным паше⁷. Натурально преклонив колена и томясь угрызениями, герой наш неуклюже орудовал платком по девственно-белому лицу собственноручно отравленной женщины. Еще каких-то несколько минут – и судьба решила бы не в его пользу: зов совести назидал идти на попятную. Однако мадам Ажераль уберегла от греха обоих, наконец, порядком поостывши.

– М-мистер Шиперо, что же мне теперь делать прикажете? – заговорили в ней остатки былых стенаний.

Не убирая платка с опухшего от рыданий лица, старик участливо заглянул в красного миндаля глаза:

– Уступите разрешение мне, мадам. Не след почем зря изводиться! – Подцепив указательным пальцем ее округлый подбородок, Лойд залюбовался воздушными кудрями, выбив-

⁷ Паше (от франц.) – декоративный платок для нагрудного кармана мужского костюма.

шимися из тугого чепца, и, разбудив все свое залежалое мужское обаяние, увещевал: – Не лишайте старика удовольствия оказать услугу милому божеству, спасшему его от суровой ночи.

Основательно сбита с толку женщина залилась ярким румянцем и отстранилась от народившегося кавалера:

– Ах, как же вы мне поможете?

– О, мадам, без видимых усилий! Я – чем черт не шутит? – попросту заберу эту книжицу и передам, куда надо. И о добродетели вашей, душа моя, ни словом не обмолвлюсь. Видит бог, хлопот вам и без того хватает.

Условившись на этом, мадам Ажераль обрела избавление от опасного, как ей мнилось, бремени, а герой наш заполучил редкий экземпляр в частную коллекцию древностей.

Во время совместного завтрака Лойд узнал массу лишних сведений о Флейт-Айленд, якобы изобилующего отъявленными негодьями и бедного на честный люд. Очередная попытка вывести у Мелис приметы загадочного гостя, проживавшего в комнатах до него, не увенчалась успехом. Та ровным счетом ничего припомнить не смогла. Единственное, что дало Лойду хоть малейшее представление о личности неизвестного и одновременно с тем повергло в отчаяние, – одежды, которые, по замечанию мадам Ажераль, носят по сугубо особливому случаю: постоялец был облачен в черный макинтош.

ГЛАВА III

НЕРАВНЫЙ ПОЕДИНОК

И вновь дорога, ветры, солнце, пожираемое собственным пламенем. Отныне обыденность являла собой повергнутые в хаос человеческие судьбы. Кучер половину светового дня кряду истязал лошадь, не давая ей привалу. Остановится было никак нельзя – в воздухе носились столбы пыли с внутренними хороводами из черепичных обломков, взрытой земли, древесных ветвей, да и всего, что было плохо приколочено. Лойд мог поклясться, что видел даже трепыхающихся в воздухе индюшек. От такого зрелища страх выворачивал его наизнанку. Природная стихия – это единственная особа, чье настроение неподвластно человеку. Никто не знает подлинных причин непогоды, и, что хуже всего, никто не умеет предсказать ее конец. Что-то невообразимое творилось в царстве живых. И Лойд, хоть и чурался малоприятных домыслов, все же читал между строк туманные намеки на свою причастность к бунту стихий.

Сейчас его мысли занимало самочувствие сестры: здоровье ее, покой ее светлой, тонкой души. Никогда еще Лойд не боялся потерять ее так, как сегодня. Берни была последней связующей нитью между ним и самой жизнью. Она была единственным человеком, кто замечал за архивной пылью его самого. Ее глазами – искрящимися зелеными самоцветами – на него взирала мать. Ее устами – властными, плутовскими – ему молвил отец. Лойд так редко баловал сестру своим вниманием, что зачастую забывал о том, как много лет разлуки между ними. В отличие от брата, большую часть своей жизни Берни посвятила счастливому браку. Однако на долю молодой семьи шесть лет назад выпало страшное горе: сестра овдовела. Детей у супругов не случилось: Берни потеряла двух неродившихся детей, третий ребенок скончался при родах. Более они не заботились о своем продолжении. Арчелд – почивший ее супруг – был человеком порядочным и имел достаточно средств к существованию, чтобы обеспечить семье безбедную старость. Но сам он до седины не дожил: его настигла оспа. Берни была безутешна. Лойд, прибывший на похороны Арчелда, чтобы разделить ее скорбь, намеревался забрать сестру в родные стены, однако та изъявила желание остаться в Бруммансе, чтобы заботиться об общей тетушке. Последняя, к слову, ни на дюйм не отходила от Берни, даже когда та приняла предложение руки и сердца. Так они и существовали после смерти главы семьи – две вдовы, не познавшие счастья материнства.

Ближе к ночи воздушный карнавал поутих. Кучер, с ног до головы укутанный в реглан из грубой шерсти, осадил коня у каменоломни и протянул пассажиру флягу. Лойд пригубил едкую жидкость и скривился:

– Вот же гадость!

– Джин, – приснул тот со смеху. – Пойло-то для ваших сословий!

– У меня от него шум в голове, – Лойд вернул сосуд владельцу и огляделся. – Где мы?

– Близ Выпьем лошины, – возникший махнул рукой, указывая в направлении необитаемого оврага. – Через него нам не проехать, увязнем. А если и обойдется, подъемы лихие – лошадь доконают. Без колес нам в этих местах худо придется!

– Что вы хотите этим сказать?

– Что хотел, я сказал... – физиономия провожатого приобрела озабоченный вид и приложила к фляге. – Трезвый ум сюда не сунется. И без ветров здесь чертовщины хватает!

Лойда обдало жаром. Он спрыгнул с повозки и тотчас по щиколотку утоп в раскисшей глине.

Наездник хмыкнул и поостерег:

– Не след вам покидать коляску, добром не кончится.

В сгущающемся сумраке можно было разглядеть поваленные деревья. Чтобы хоть немного размяться, Лойду пришлось держаться за оглобли. Каждый шаг давался с большим трудом – башмаки все глубже проваливались в липкую жижу. Наскоро справив нужду, он взобрался на место и укутался в шаль – одно из любимых материнских облачений, которое прихватил в подарок сестре.

Ощущение, что земля ежечасно остывает, лишало покоя. Когда архивариус покидал Наутгем, ничто не говорило о приближении ранней осени. Теперь же казалось, что на подлунный мир обрушился ледяной панцирь.

Лошадь, как выяснилось, тоже не на шутку загрязла. Выбрались с натугой. Спустя час-другой бездорожья удалось вытрусить на узкую тропу, пролегающую вдоль оврага. Мгла уже осела наземь, и единственными источниками света остались призрак луны да редкие звезды.

Лойд никогда не бывал в этих местах. Рельсовая переправа избавляла от необходимости пускаться в столь утомительные авантюры. Будь он молодцем и обладай беззаветной храбростью, путешествие бы его воодушевило. Старик же чувствовал, что долгая унылая жизнь его опустошила, разграбила остатки былой романтичности, взамен оставив лишь нездоровый цинизм. Поэтому, глядя на новые пейзажи вдаль от дома, он видел только немилую сердцу чужбину. Люди, обремененные необычными манерами, воздух, пропитанный прелыми ароматами, безыскусная архитектура, грубая пища – от всего этого обилия инородности Лойда била дрожь.

«Какими глупцами должны быть боги, всерьез уповая на мою избранность», – думалось ему. Невмоготу было такому, как Лойд Шиперо, помышлять о славных подвигах и великих жертвах. Никогда еще жизнь не возлагала на его плечи больших надежд. Вот и теперь он отказывался принимать вверенное его маломочной душе.

– Недалеко до развилки на Уайт Гарденс, – отвлек его от дум кучер. – К рассвету будем на месте.

– Уайт Гарденс?

– Провинция белых садов, знаменитая своим яблочным бренди. Не бывали там прежде?

– Не доводилось, – равнодушно кинул Лойд.

Извозчик что-то буркнул себе под нос и перевел коня на ровный галоп. К рассвету, как и было обещано, они въехали в Уайт Гарденс – поселок с приземистыми домами и густыми яблоневыми садами. Багряный свет медленно обволакивал кроны деревьев. Холодные лучи рвали на куски остатки предрассветного тумана. Создавалось ощущение, что земли здесь – послевоенное поле, воздух которого орошали кровавые испарения от тел павших жертв.

Лойд одобрил идею задержаться и восстановить силы: им не помешало подкрепиться – всю дорогу они спасались холодной сдобой с сардинами, а конь и вовсе выглядел побитым. Свернув в первый попавшийся придорожный трактир с вывеской «Говорящая пинта», путники спешно покинули повозку и принялись растирать ноющие суставы. Из парадной двери показался мальчишка – по-видимому, хозяйский отпрыск. Он вызвался сопроводить лошадь в стойло. Следом на шум голосов вышла и сама хозяйка.

– Милости прошу, сэры! Отведаете живительной влаги? – тучная, как бочка с элем, женщина сверкнула щербатой улыбкой.

– Мое почтение, мадам! Если живительной влагой вы зовете мясную похлебку, я весь в нетерпении! – Лойд, скрипя суставами, доковылял до веранды и пригубил руку хозяйки.

– Бросьте вы это, в самом деле! Верона – не та птица, что падка на реверансы, – кучер зашелся беззвучным смехом и без лишних демонстраций в сторону женщины зашагал в помещения.

– Свет ни видывал чертяку пущего, чем наш Талбот! – снисходительно хохотнула та и жестом поманила гостя внутрь.

Так ряды знакомцев Лойда пополнило сразу два имени – доныне безымянного извозчика и женщины, радушие которой обещало спасти его от голодных колик.

Ранний завтрак плавно перетек в бранч. Талбот настаивал на продлении отдыха для скакуна, не преминув требовать добавки к своей пинте. Лойд пристроился на уютной софе подле окна и неспешно изучал через лупу добытый им артефакт, когда на пороге гостиной возник не на шутку встревоженный малый.

– Мамушка! Ураган! – и парнишка скрылся так же стремительно, как появился.

– Ох, святые угодники! – спохватилась та, запутавшись в собственном платье. – Сэры! Сэры, ступайте к плантациям! Что же делается!

Внезапный шквал ветра оборвал ее указания, шваркнув в оконную раму нечто живое, потому как по стеклу тотчас забегали тонкие ручейки крови. Наспех сунув книжку с лупой в камербанд⁸, Лойд с остальными бросился к парадному входу. У подножия веранды покоилось изувеченное тело маленькой пятнистой птицы. В лицо бил яростный порыв ветра, сложно было даже шевелить веками. Талбот скомандовал следовать за ним, и оба мужчины припустили к стойлу, откуда доносилось нечто похожее на звук парового свистка – лошади были напуганы. Почва зашлась частыми ударами, словно из потустороннего мира вот-вот вырвется армия мертвецов. У входа в конюшню, махнув напарнику в сторону крохотной кузницы, Талбот устремился внутрь и уже через несколько мгновений возник, таща за собой увесистый сверток металлической сетки.

– Животина нам здесь не помощник – вскинется. Сами доберемся! Захвати охапку кольев, вон там, – выпалил он, тряхнув головой и задыхаясь от тяжести.

Лойд сгреб руками груды заостренных палок, и мужчины помчались в направлении пляшущих по ветру яблоневых зарослей. Лойд не представлял, как их жалкая амуниция могла спасти положение. Даже если удастся уберечь часть урожая, всерьез это делу не поможет. Спроси Талбот его совета, он бы предложил спастись самим. Но тот, преследуя понятную только ему цель, уверенной трусцой сновал между плодовыми рядами, ловко уворачиваясь от яблочных снарядов. Герою же нашему, не обладавшему схожей сноровкой, то и дело доставались тупые удары по голове и туловищу. В спешке, едва вынося боль от обстрела, он не успевал озираться по сторонам, но отчетливо слышал возгласы других людей, спешащих к той же цели, что и они.

К великому облегчению Лойда, скоро проводник замедлил шаг. Они приближались к прогалине, создающей расстояние между деревьями по меньшей мере ярдов в пятнадцать. Когда они выбрались на место, Лойд ахнул: в центре поляны разверзлась гигантская щель. Сомнений не было: появилась она здесь самым естественным образом, в результате землетрясения. Несмотря на стихийное буйство, вокруг чрева земли собралось не в меру много зрителей: женщины в кухонных фартуках и с бечевой в руках, мужчины и старики в холщовых рабочих блузах с мотыгами и телегами, ребятя и уличные собаки – все не сводило замороженных глаз с изрыгающего подземную пыль жерла.

Никогда еще архивариус не видывал ничего подобного. В глубоком бесчувствии он взирал на канун судного дня. Казалось, прошла вечность, прежде чем кто-то нетерпеливо потрепал его по плечу. Опомнившись, он увидел лицо женщины, обращавшейся к нему на языке жестов. Она призывала его присоединиться к остальным. Только сейчас Лойд увидел суетившихся вокруг расщелины мужчин – те, явно в состоянии полнейшего отчаяния, пытались не дать почве раздаться к поселку. Край разрыва с обеих сторон они тщились схлестать металлическими сетками, прибитыми поодаль от места разрыва деревянными кольями. Одни изо всей мочи натягивали сетку, другие держали колья под углом, третьи, в числе которых был

⁸ Камербанд – традиционное дополнение к смокингу в виде шелкового пояса шириной, как правило, в четыре складки, прежде использовавшиеся в качестве кармашков. Аксессуар родом из офицерского гардероба британских колонистов, пришедший на замену жилету.

прыткий Талбот, молотили по ним что есть духу. Какая-то неведомая сила манила старика заглянуть в самую пасть конца света, но страх обуял тело, не давая пошевелиться. Пользы в том, чтобы броситься на помощь обезумевшему народу, Лойд не видел. Если стихия пожелает стереть с лица земли поселок, а заодно и весь белый свет, металлическая сетка и кол ей путь не преградят.

Тем временем в воздухе над пропастью назревал настоящий смерч. Вихревой поток уже вобрал в себя добрую часть урожая, вырвал с корнем сотню молодых деревьев и теперь намеревался взяться за живое. Завидев угрозу, женщины похватили своих отпрысков и бросились прочь. Мужчины же, меряющиеся силой с неминуемым, ускорили темп работы. Кое-кто из них принялся укреплять металлическую заплату каменными булыжниками, привезенными с собой на телегах. Лойд по-прежнему стоял в стороне и наблюдал за странным действием, ожидая кульминации. «Бежать прочь от этого места, куда угодно, бежать», – носились в голове беспорядочные мысли.

Тем временем воронка над их головами впала в ярость, заглатывая внутрь себя все, что попадалось на пути: подножные камни, покинутые детьми игрушки, разбросанные по земле инструменты, куски земли. Еще каких-то несколько мгновений, и в пасть к ней отправится неумное войско. Лойд слышал, как кто-то из мужчин призвал убираться, и тотчас рабочая братия врассыпную ударилась в бег, скрывшись в тени голых яблоневых стволов. Немой зритель, охваченный магнетическим действием природных сил, остался никем не замеченным.

Оказавшись один на один с разбушевавшейся стихией, Лойд словно готовился стать частью ее самой – не жертвой, отнюдь, а неким капельмейстером⁹: тем, кто способен обуздать эту бешеную жажду крови, направить ее мощь против себя самой. Между тем песчаный круговорот навис над расщелиной, явно помышляя распахнуть ее полы пошире. Края обрыва посыпались в пропасть, позволяя воздушной волне вторгнуться в свои объятия. Бездна неумолимо росла, и наблюдатель рисковал сгинуть во мраке вкупе с подножным месивом.

Бросив быстрый взгляд за спину, Лойд подался назад, сам не сознавая нужды. «Прочь, прочь!» – метался рассудок. И только он принял решение спастись бегством, как взгляд замер на эпицентре вихря: прямо из него с холодным спокойствием на него взирал... его отец. Седые волосы до плеч трепыхались в такт стихии, мраморного цвета лицо, ни на миг не постаревшее с последней их встречи, излучало глубокую печаль.

Лойд обмер и затаил дыхание. Сердечная мука заглушила рев ветров. Он напряженно всматривался в мираж, изо всех сил стараясь не моргать, боясь спугнуть прекрасное видение. И вдруг губы отца пришли в движение. Лойд никак не мог услышать того, что тот пытался сказать: слова тонули в шуме стихии. Держась за надломленные стволы деревьев и не сводя глаз с призрака, он стал осторожно пробираться вперед. «Берегись!» – завопил инстинкт. В паре дюймов от него с бешеной скоростью пролетело сооружение, над которым трудились фермеры: расщелина, медленно сотрясая почву, росла в обе стороны. Теперь, когда она достигла размеров конюшни, без труда можно было увидеть ледяную пустоту пропасти.

Почва стала уходить из-под ног на лад зыбучим пескам. Лойд успел отпрянуть от дерева, и бездонная пучина вмиг проглотила его. Ступив назад последним усилием воли, он с сожалением обратился на отца, все так же терпеливо взирающего на него из адовой пасти.

– Отец... – слабо позвал он и полетел в преисподнюю.

⁹ Капельмейстер (устар.) – дирижер капеллы (хора, оркестра).

ГЛАВА IV

ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Когда у нас есть достаточно времени, чтобы учуять запах собственной смерти, мы думаем о несказанном, о непрожитом, о непознанном. Быстрый, пусть и преждевременный конец тем лучше, что позволяет нам умереть счастливыми, полными планов и надежд. Умирать же медленно, сокрушаясь, а на это у всякого есть десятки причин, – горько, невыносимо горько. И первым, что ощутил наш протагонист, очнувшись в кромешной тьме, был привкус горечи во рту. Стоя одной ногой в царстве теней, поневоле учишься ценить те ничем не примечательные, скупые на события дни, прелесть которых заключена в возможности простого созерцания. Созерцать течение времени, созерцать свойства чувств, созерцать гармонию природы... Ах, если бы всяк имел часы, отбивающие срок его жизни! Как, должно быть, дорожили бы мы этой способностью – созерцать во всем божественное начало!

Старик лежал с открытыми глазами, боясь шелохнуться. Казалось, каждая клеточка его истерзанного тела молила о смерти. Он перебирал в памяти последние события: ураган, обезумевшая толпа, бурлящие земли, отец... Последнее ему, наверняка, привиделось. Никак не мог отец быть связан с тем ужасом, что обрушился на головы живых. И тем не менее фантом отца задержал его, не позволив спастись. Однако Лойд был жив – взаправду. Ведь призракам не положено испытывать такой телесной боли, какая повергла Лойда. Но где же он?

Глубоко втянув воздух, чтобы испытать свои ребра и дыхательные органы на увечья, он закашлялся. Воздуха там, где он оказался, не доставало, и пах он могильной ямой. Была в этом запахе и примесь чего-то... железного. Следуя ему, Лойд сообразил, что этот запах исходит от него самого: «Ну конечно!» Аккуратно приподнявшись, он нащупал кусок рваной плоти над коленом и корку запекшейся крови. Рана по ощущениям была большой, хотя и не саднила. Он обследовал рукой поверхность, где лежал: неровное каменистое дно. В потемках Лойд не мог оценить глубину и масштабы места, куда угодил. По удушью он определил, что над ним, должно быть, футов сорок-пятьдесят. Однако в таком деле он сведущ не был, да и опытом угождать в места свежих земельных расколов похвалиться не мог.

Исследовав остальное тело на предмет переломов и кровопотерь, Лойд обнаружил большую шишку в области затылка, длинный порез на пояснице, разбитую бровь и пару глубоких ссадин на руках. Содранная кожа по всему туловищу была не в счет. В лохмотьях, бывших поясом, он нашарил спрятанные им впопыхах книжицу и лупу. Последняя, судя по режущим пальцы сколам, повредилась. Зато сам он был жив.

Дивясь собственной удаче и размахивая руками на лад слепому, он попытался встать в полный рост. Тут же его темя уперлось в отвесный уступ. Проведя рукой по стенам ямы, он сделал вывод, что место, куда он провалился, было чем-то вроде подземных пещер. Единственный способ узнать, есть ли у него шанс выбраться наружу тем же путем, который привел его сюда, – раздобыть свет. И в этих условиях оставалось надеяться только на подручные средства. В узких карманах изодранного фрака не было ничего подходящего на роль розжига. Впервые в жизни Лойд пожалел о неприсущей ему страсти к курению. Вредные черты поведения никогда не давались ему, как подобает, а ведь именно они зачастую служат спасительной шлюпкой.

Сильно уповать на то, что в недостатке кислорода и повышенной влажности удастся воспламенить что бы то ни было, равно кривить душой. А даже если и удастся... Если пещера невелика в размерах, дым попросту задушит его за считанные минуты. Тогда Лойд решил наперво освоить местность, пусть и вслепую.

Шаг-другой, еще два. Полы в пещере были чрезмерно ребристыми, не позволяя ускориться. То и дело поскальзываясь и оступаясь, ступни выворачивались под неестественным

углом, доставляя сильную боль. Старику приходилось держать равновесие при помощи согнутых колен и широко распахнутых рук. Петляя на разный манер, он сбился со счета шагов и с облегчением отметил, что еще ни разу не сменил направления. Значит, пещера, как минимум, продолговатая. А ежели руки, занесенные над головой, не достают до сводов, значит, по высоте она ничем не уступает среднему человеческому жилищу.

Наскоро исследовав пространство вокруг себя, он нашарил пару камней, на ощупь напоминающих аммониты. На запах – обыкновенные окаменелости, пахнут сырым известняком. О них Лойд только читал: воочию никогда не видел. Как и сейчас. Ныне его зрением служили натеревшие в архивном деле пальцы. Может статься, моллюски эти попали сюда в результате осушения подземных рек, которые, к слову, могли до конца и не иссохнуть. Это следовало проверить: «Недалек час, когда жажда – единственное, что будет меня гнестить».

Оставив ненадолго идею добыть огонь, Лойд решил еще немного побродить. Сбрасывать со счетов вероятность обнаружения более безопасного пути на поверхность, чем лаз по отвесному обрыву, казалось ему неразумным. Лойд был полон решимости. Старик уже давно не помнил себя столь жизнестойким, несмотря на кровопотери. Всю свою долгую жизнь он отождествлял себя с домашним скотом: был избавлен от необходимости выживать и скрываться от хищников, между тем погибая от рутины. Даже мозоли на его руках имели сугубо церемониальное происхождение. Случаи, где он сумел бы проявить данные ему от природы качества, им же тщательно избегались.

Лойд был убежден: природа скупа на милости. Вместо этого человек, если не воспитать в нем здоровый дух и манеры, предстает перед миром сущим варваром и кровопийцей. А в нем, сколько бы отец ни старался, так и не прижилось семя авантюризма. Теперь же, под нагромождением песков времени, ему случилось встретиться с самим собой. Судьба бросала перчатку не старику – она донимала безумствами того самого маргинального юношу, не взявшего труда взрастить из себя ни доблестного воина, ни верного мужа, ни примерного отца. Словно высшие силы смотрели прямо в глаза тому, кто десятилетиями трусливо скрывался в чужой шкуре. И сейчас тот нерожденный в нем искатель подвигов был единственной надеждой старика на выживание. Боевое крещение свершилось: Лойд ощущал это всем своим воспрявшим телом, всеми фибрами своего существа.

И вот в пещерной пустоте за жизнь боролись двое – старик и тень его прошлого, возымевшая власть над общей волей к жизни. Однако выживание для каждого из них наделено было личной целью: старик мечтал вернуться к ничем не примечательным будням, а тень пошла на поводу у судьбы. Будто всю жизнь она томила в ожидании своей миссии, как джинн в ржавой лампе, освобожденный зовом безликого господина из потустороннего мира.

Охваченный новыми проникновениями, Лойд в нерешительности топтался на месте. Глаза никак не могли привыкнуть к полному мраку, хотя он уже мог различить смутные очертания собственных рук, вода ими подле носа. Тогда ему в голову пришла мысль испытать пещеру звуком.

– Эй! – еле слышно выдавил он.

Эхо утонуло в безбрежности. Тогда он завопил во всю мощь:

– Э-э-эй!

И снова звуковая волна не ударила о глухие своды вблизи, как он того ожидал.

Лойду стало очевидно, что местонахождение его приходится на большую – неизвестно, в какой мере, – пещерную галерею, по-видимому, являющуюся частью системы подземных ходов. Последнее соображение выдвинула его бушующая фантазия. А место, куда он упал, возможно, было крайней точкой одного из залов, образовавшегося в результате землетрясения.

Под землей было намного теплее, чем на поверхности. К тому же, с каждым днем по непонятной причине остывающей. Дабы насквозь не сопреть, Лойд выскользнул из фрака и повязал размякшие от влаги рукава поверх камербанда. Тело ныло, оправляясь от шока. Тот-

час его взмокшая грудь ощутила на себе слабое движение воздуха. «Ветер!» – встрепенулся Лойд, гадая, что бы это могло значить. Не придумав ничего лучше, кроме как следовать его прохладному шепоту, старик вновь принял канатоходную стойку и поковылял за шлейфом свежего воздуха. С два десятка шагов спустя он потерял равновесие и полетел ничком. Ребра отозвались противным хрустом. Лойд, глотая произвольные слезы, взревел. Силы и терпение с ним прощались. Так бы и лежал он, скуля и жалея себя, если бы не тусклое свечение, которое замасленные глаза его распознали в нескольких ярдах от места своего падения.

Не предпринимая боле попыток подняться на ноги, скиталец стал прокладывать себе путь ползком. Ребристое дно больно впивалось в конечности, стирая кожу в кровь. Не обращая внимания на мучительное жжение, Лойд все полз и полз, жадно впившись взглядом в загадочный источник света. Наконец, глаза смогли разобрать очертания пятнышка света: это было не однородное свечение, а несколько сияющих жилок, собравшихся вместе. И только он вознамерился подняться на ноги, чтобы подойти к ним вплотную, как огонек взорвался на мелкие искры. Те взмыли вверх на разный манер, застав старика врасплох: «Светлячки!»

Потребовалось немало времени, чтобы понять устройство этого волшебства. Поднявшись на ноги и стараясь не упускать из виду летающих существ, Лойд краем глаза поймал место, где их свечение обрывалось. Одна из холодных стен прохода, о которую Лойд схватился, чтобы сохранить равновесие, резко закончилась, открыв его взору невообразимую картину. Это был оазис с собственной экосистемой: в основании его в полной неподвижности застыло мутно-голубое озеро размером с обеденный стол на дюжину персон; по центру возвышалась, соединяя своды с дном озера, колонна из минеральных пород, образуя что-то наподобие песочных часов; а своды... Сводь представляли собой купол, украшенный звездным небом. Тысячи светлячков гнездились под ним, низвергая в мрак поток ослепительного лазоревого света неизвестных верхнему миру оттенков. Это невероятное природное явление, подобно живой волне, то стекало вниз по куполу, то вновь взбиралось к самому гребню, проливая свет на разные уголки грота и придавая пространству какую-то совершенно сверхъестественную суть.

Белый шум, исходящий сказочной подземной цивилизацией, до такой степени очаровал Лойда, что тот застал себя по пояс стоящим в молочных водах озера. На лице его читалось блаженство, словно омовение это было священным обрядом исцеления. Влага приятно лизала его свежие раны, унимая боль, и Лойд, мягко задержав дыхание, исчез под водой.

Спустя несколько часов нашего героя, забывшегося праведным сном подле природного алтаря, разбудил стремительный толчок из-под земли. Пока к нему возвращалась способность соображать, подземный импульс завладел стенами, породив оглушительный грохот. Звук напоминал свирепые раскаты грома. Звездное небо из светлячков тотчас рассеялось, точно на раскаленные угольки опрокинули ушат воды, и подземелье вновь поглотила непроглядная тьма. Старик вскочил на ноги и в последний момент успел увернуться от падения сталактита – острого и крупного, как зуб древнего ящера. Следом за ним со сводов пещеры одна за другой посыпались каменные глыбы, а за ними и сам купол издал пронзительный треск и стал обваливаться в сопровождении дождя из искр. В тот же миг Лойд, уже не помня себя, карабкался по наклонному боковому коридору, который заметил, любясь игрой света при входе сюда.

Подземная буря продолжалась около часа. Все это время старик ощупью продирался сквозь извилистые каменные туннели. То тут, то там он налетал на глухие стены, поскальзывался и падал на крутых спусках, карабкался по горной осыпи вверх и сквозь узкие щели. Наконец, пещерная лихорадка поутихла, и он смог остановиться и перевести дух. Чтобы хоть немного утешить вырывающееся из груди сердце, беглец согнулся вдвое и медленно сполз на сырой пол. Брюки тут же пропитались ледяной влагой: своим положением он перекрыл путь маленькому водотоку.

– Самое время! – возрадовался удачной компании старик и зачерпнул прохладной воды в ладонь. – Откуда ты взялся?

Внимательно прислушавшись к шуму ручья, Лойд пополз по направлению течения. Поворот, еще поворот. Коридор начал сужаться; макушка застряла в проеме. Зато источник свободно вырвался наружу, и стало слышно, как водный каскад, пролетев футов восемь, ударился о каменную твердь. Держаться ближе к воде – вот что показалось Лойду самым верным в теперешних условиях. Даже если на поверхность путь ему заказан, вода, пусть ненадолго, но продлит его существование.

Внутренний компас убеждал Лойда не терять веру. И все же натиск мрачных опасений, говорящих с ним голосом памяти, подрывал надежды на чудо. Что, если дикая пещера – лишь начало пути к чему-то поистине губительному? Что, если боги так проверяют его на прочность? Что, если согласиться умереть сейчас, в этом природном склепе, – самое разумное решение?

Лойд не боялся смерти. Это он отчетливо понимал. Он боялся не оправдать ожиданий – своих собственных, если умрет бесславно; отцовских, если умрет на полпути к выживанию; и божьих, если вместе с ним в небытие канет весь людской род. Что хуже? «Что из всего хуже?» – отозвался хор прошлых ошибок, алчущих реванша.

Попытки протиснуться через узкий проем не увенчались успехом, зато поубавили прыти. Дорога вспять толка не сулила. Да и к месту, с которого началось его подземное шествие, уже было не подобраться: завал, скорее всего, перегородил к нему проход. Оставалось только понемногу, остерегаясь очередного обвала, кромсать каменную арку до нужных размеров. Чем старик и занялся, нащарив неподалеку камень с острым краем. Спустя добрых часа два ему удалось проделать надлежащее отверстие для головы, но недостаточное для того, чтобы вылезти целиком.

Потрудившись вдвое больше прежнего с несколькими роздыхами, Лойд, однако же, добился своего: лаз был готов. Теперь предстояло выяснить, с какой высоты придется прыгать. Наполовину высунувшись наружу и прихватив с собой горстку щебня, герой наш весь обратился в слух и пустил медленную каменную струйку сквозь пальцы. В сравнении с водой, щебень достиг дна куда быстрее. Рискнуть стоило! Вытянуться в полный рост и подготовиться к точному прыжку возможности не представлялось. Вместо этого пришлось ужом протискиваться вплотную к краям отверстия, цепляясь за скользкие выступы, дабы не сорваться в неурочный момент. И дело ладилось до тех самых пор, пока острая боль от соприкосновения с зазубриной не пронзила рваное колено. Лойд взвыл не своим голосом и импульсивно дернулся. Одного неверного движения стало достаточно, чтобы план сорвался: на кратком выдохе он вымахнул из своего укрытия, перевернулся в воздухе и плашмя полетел вниз.

Боль от падения, по-видимому, помутила сознание, потому как опомнился Лойд в компании порхающего подле его лица мерцающего создания. Создание не было похоже на светлячка: оно было несколько больше и излучало необычайно глубокое зеленое свечение. Старик зачерпнул воздуха над собой, и мерцающий огонек стремглав понесся прочь. Едва овладев собственной шеей, Лойд перевел взгляд на то место, куда ускользнуло создание, и беззвучный вопль застрял у него в горле. Теперь трепещущий огонек покоился на ладони хорошо знакомого Лойду господина, придавая и без того бледному лицу поистине зловещий облик.

Человек в траурном макинтоше – не то зрительная галлюцинация, не то воистину пришелец, неотступно следующий за своей жертвой, куда бы та ни шла, – лениво направился к парализованному страхом старику. Не выпуская из ладони мистический фитилек, он приблизился вплотную к лежащему телу и изучающе, сродни врачу-патологу, склонился над ним. Затем произошло нечто непостижимое. Не издавая ни звука, господин легким движением руки разместил светило над грудью Лойда, проворно освободил его туловище от одежд и когтистыми пальцами принялся выцарапывать на коже причудливые символы.

Старик плохо понимал происходящее. Ни боли, ни ужаса он уже не ощущал – только слабость и нарастающую тошноту. Получеловек, колдующий над ним в мерцании зеленого света, теперь не пугал своим внезапным присутствием. Веки налились свинцом, конечности обмякли, и рассудок тихо покинул Лойда.

Говорят, трудности закаляют характер. Не говорят только, как отличить трудности от естественных свойств жизни. То, что до сих пор выпадало на долю Лойда, нельзя было назвать трудностями в сравнении с тем, что довелось ему пережить за последнюю неделю. И, тем не менее, исчезновение отца, смерть матери, отъезд сестры, потерю единственной любимой в далекой молодости Лойд переживал болезненно и неизменно считал непреходящими трудностями, неизбывным горем. Теперь же он понимал, что вся его жизнь была естественным ходом событий. Близкие уходят, и это касается всех – частных в таком деле не существует. А то, что единит всех, не может быть трудностью – это и есть подлинное обличье жизни.

Тьма, поприветствовавшая очередное его пробуждение после падения в беспамятство, стала менее насыщенной. Глаза попривыкли к отсутствию солнечного света, герой наш понемногу превращался в жителя пещер.

Что делает пробуждение столь безрадостным с годами? Неприятность вновь и вновь проснуться собой – стареющим существом с множющимися болезнями и разочарованиями? Кто знает... Быть может, самые счастливые пробуждения выпадают на долю людей, страдающих от болезней памяти. Когда не помнишь себя и мир, в котором жил вчера, поводов пробудиться в меланхолии, думается, куда меньше.

Вот и Лойд, вскоре пробудившись, обнаружил некий прилив сил. Словно и не было долгого мытарства по душным подземным лабиринтам, изнуряющих попыток преодолеть каменные затворы, разрывающих плоть спусков и падений. Единственное, что смутно припомнилось ему, – кувырок в воздухе и игра зеленого света. Далекого и теплого, как материнские объятия.

Замерзшими руками Лойд ощущал свое тело и, мягко раскачиваясь, уселся, все еще дивясь собственной жизнеспособности. Какое-то дотоле неизвестное чувство овладело им: он будто знал отныне, зачем выжил и кого благодарить за свое спасение. Боги, кем бы они ни были, проявили к старику милость, и покуда он жив, пусть даже из их алчных умыслов, если он еще способен слышать шепот вод, стон земли и завывание ветра, то пусть хоть к черту в пасть его отправят – он готов заплатить и такую цену за еще одно и, быть может, единственное счастливое пробуждение за последние две трети своей жизни.

Теперь Лойд не только ощущал пещеру своей плотью, но и смог объять взглядом все то, что раньше представляло опасность, скрываясь от света. Место, куда он упал, было пологим, как каменный причал. Ручеек, проложивший ему дорогу в новые глубины подземелья, безмятежно вливался в темное зеркало пещерного водоема. С купола высоких сводов свисали известняковые натеки высотой с двухэтажную резиденцию – белые и пышные, как юбки молодой незамужней дамы.

Природа лишила подземные храмы света, взамен одарив их небывалым величием и защитив от животного грабительства. Все это великолепие принадлежало одной паре глаз, и они, как никогда раньше, жадно цеплялись за каждую частность, каждую подробность девственной истории.

Несколько часов минуло, прежде чем Лойд способился сыскать в глубинах грота неприметный лаз, ведущий в очередное логово тьмы. Сколько времени он здесь пробыл, который сейчас час и есть ли выход из пещеры, Лойд не ведал. Его сразил нечеловеческий голод,

и инстинкт подсказывал отправляться на поиски пищи, даже если ради этого придется спуститься к самому ядру земли.

От одежд остались жалкие лохмотья, липкая сырца которых раздражала кожу. Перед тем как ступить на порог еще незнакомых подземных коридоров, он оборвал рукава рубахи, обвязав ими ноющее колено, выполоскал насквозь грязный фрак в воде, не отжимая, дабы потом воспользоваться его влагой на случай жажды, и наскоро умылся. Убогой провизии едва бы хватило на половину дня ходу. Башмаки прохудились, обнажив размякшие ступни. Вид собственной запекшейся крови унижительно пьянил голодное естество.

Набираясь храбрости, путник выжидательно замялся у тесного прохода меж двумя соседствующими кряжами. Поначалу, делая обход в поисках проема, Лойд не приметил их тесное соседство: стена казалась цельной. Потом же, пообвыкнув к полумраку и подключив к поиску руки, он принялся ощупывать стены на предмет скрытых от глаз ходов. Этот план и подарил ему новую надежду на выживание: казавшаяся прежде цельной стена оказалась двумя соприкасающимися друг с другом отвесными монолитами ярдов в восемь высотой. Между ними был зазор размером с теленка, уходивший вниз, к земным глубинам. Там-то Лойд и надеялся сыскать себе если не спасение, то пусть бы и поживы в виде растений или летучих мышей.

Человеку ничего не стоит облачиться в животное, в особенности когда рядом нет себе подобного, взирающего с высот нравственности. Лойд хорошо это знал, потому как жизнь свою он провел в полном одиночестве. Вот и сейчас прогноз поживиться сырым мясом летающего монстра лично для него не предвещал ничего противоестественного, хотя любой другой достопочтенный господин и предпочел бы издохнуть от голода, сохранив при этом лицо человека светского, наделенного культурными предрассудками и неспособного на столь вопиющее дикарство.

Проем и первая дюжина неуверенных шагов дались без особо труда. Затем левая нога увязла в липкой грязи: «Земля!» Лойду было непривычно ступать по почве. За несколько дней – как ему показалось – он свыкся с неумным цоканьем толстой подошвы по каменистому дну. Теперь же идти стало свободнее, земля избавила его от необходимости маневрировать конечностями в страхе поскользнуться. Зато дышать стало намного сложнее...

Место напоминало подземный окоп, только что оправившийся от внешней пальбы. Запах оседал мерзким послевкусием во рту, и Лойду подумалось, что так, должно быть, пахнет мертвая, неплодородная почва, отдающая последние свои проклятья белому свету, когда-то служившему ей добрым пристанищем. Никакие растения и живность не повстречались ему, пока, сгорбившись, прокладывая он себе путь в душном мраке. Не сбавляя темпа и сохраняя твердость духа, Лойд миновал с милю пути и с десятков виражей, то кренящихся вглубь земли, то устремляющих его наизволок¹⁰. В какой-то момент, остановившись перевести дыхание и смочить фрачной влагой иссохшее горло, он услышал сквозь наслоение горных пород нечто похожее на топот над головой.

– Либо я прямо под землей, либо там есть еще один тоннель, – задумчиво пролепетал он, ощупывая руками низкий свод, и испугался собственного голоса, заметно охрипшего от недостатка кислорода.

Прикинув, скольких трудов ему будет стоять выдалбливание дыры в потолке, он решил искать естественный выход на верхние этажи. Но прежде, дабы не терять времени даром на блуждания кругами – если существовал риск, что он угодил в лабиринт, – Лойд принялся голыми руками рыть яму под ногами. В случае попадания в это же место он оступится о препятствие, что станет верным свидетельством о возвращении к начальной точке пути.

¹⁰ Наизволок – под невысоким углом в гору.

Работа спорилась, а топот над потолком все не утихал. По окончании земляных работ Лойд был полон уверенности, что пещерный проход пролегал прямо под оживленным пастбищем. Коли так, то на поверхности сейчас стоял день.

И кто скажет наверняка, нашел бы старик иной повод для надежды, если бы не топот загадочной природы, служащий ему компасом на этом беспроцветном пути?

Спустя час, а то и два тщетных блужданий и ни одного попадания в начальную точку пути, Лойд, обессилив, повалился наземь. Звуки, доносящиеся сверху, все не умолкали, в какой-то момент и вовсе слившись в единый пульсирующий гул. Голод и дефицит воздуха делали свое дело: у старика начались редкие, но яркие галлюцинации, а сил, чтобы двигаться дальше и обдумывать план действий, совсем не осталось. Он уже серьезно сомневался в том, что топот сверху – не плод его угасающего сознания. А теперь, превратившись в неумолчный шум, тот, взамен утешения, завещал старику страх. Если наверху и вправду земля, то, должно быть, она объята яростным гневом стихий, и тогда выбираться наружу стало бы роковой ошибкой.

Распластавшись на холодной сырой глине, Лойд силился сохранить последки сознания. Голодные колики лихо скрутили все тело, так что боли от недавних ран ему более не досаждали. Правду говорят: пред плотской немощью уступает всякая, хоть и бездонная душевная мука.

Истомленный собственной волей к жизни, лишенный всяких человеческих смыслов и притязаний, герой наш, минуя предсмертную агонию, смиренно чах. Та скромная задорная искорка его ненасытной души, что еще пару часов назад ухватилась за величайшую милость спасения, грозилась вот-вот покинуть тело, теперь безразличное к свободе. В пустой от мыслей голове блуждали видения – красочные, как иллюзии душевнобольного. Вот мать тянет руку к его юношескому лицу, усыпанному веснушками, и смеется, смеется... А вот она же, полулежа в кресле-качалке, укрытая пестрой шалью, надтреснутым болезнью голосом щебечет песню о нерожденных детях. Песню, услышанную ею в далеком детстве от матери и запечатлевшуюся в памяти как упрек всему мирскому несовершенству. И Лойд, в унисон видению, затыкнул:

Ждала-а младенца мать
Стели-ила колыбель
А за-а окном война-а
Сражала дух людей

Голубка ты моя
Дитя свое укро-ой
В утробе навсегда
От черствости земной

Пусть спит младенец твой
В убежище святом
И ты прими покой
Забывшись вечным сном

Горячие слезы заструились из уголков глаз по исхудавшим небритым щекам. Слезы – обезболивающее для человеческих душ. Они – кульминация слабосилия, и они же – живительная влага, выплескивающая тепло сердца на поверхность наших коченеющих тел. Здесь, во

мраке неведения, обращаясь грезами к миру живых, Лойд обрел нечто большее, чем череда надежд и отчаяний. Он обрел свободу от томления духа, свободу от необходимости жить. Здесь, в гробнице окаменевших времен, он нашел покой и смирение. Та жизнь, которая, как ему казалось, была лишь пробой пера, так и не сложилась, пусть бы и в фельетон. Думал ли Лойд на рассвете своей жизни о том, какой конец ему уготован? Отнюдь: внутренний взор его обращен был к мраку настоящего. Прежде – к тоске по отцу, чуть погодя – к трауру по матери, засим – к хронической меланхолии по навсегда покинувшей его невесте, его Селін. Жизнь Лойда Шиперо, к великому облегчению его нынешнего, всегда была островом зыбучих песков, местом запланированных потерь. И если хоть на миг ему некогда удалось бы ступить на твердую почву того острова, то, возможно, он бы никогда не смог стать поистине свободным, как сейчас. «Нерожденному и не умирать», – пронеслось в голове.

Полуявь надломилась крепким толчком откуда-то сверху. Тело инстинктивно съежилось, и все мышцы словно обрели слух: «Вода!» Затаив дыхание от внезапного провидения, Лойд принялся рисовать в воображении события, от которых его отделяли хрупкие своды. То был не топот лошадиных копыт – то был прибой. Теперь же ритмичный звук нашел своего владельца, и у старика уже не оставалось сомнений, что тоннель пролегал под скалистым берегом, о который с размахом разбивались морские буруны. «Если так, – пораскинул он, – то искать естественный выход наружу должно куда выше. В противном случае здешние места попросту были бы затоплены». Между тем удары набирали силу, и подземелье уже становилось опасным укрытием. Лойд не осмелился искушать судьбу и доверяться наверняка не раз терпевшему стихийные покушения тоннелю. Подобрал верхнюю одежду и подпоясавшись покрепче – тело неумолимо теряло объемы, – он погарцевал вверх по подземным коридорам, на этот раз считывая набрести на пробоину в скале над уровнем моря.

Вскоре ему улыбнулась удача: не пройдя и часа пути, Лойд учуял слабое дыхание соленого бриза, а еще спустя дюжину уверенных шагов по крутому подъему веки его обжег позабытый кроваво-красный солнечный свет.

Сам не свой от наполнившего грудь ликования, старик упал на колени пред аркой, открывавшей взору бескрайние просторы медового цвета. Жадно глотая воздух, смеясь как безумец и потирая слезоточащие глаза, Лойд пополз к краю обрыва, доверху покрытого густым мхом. Не раздумывая, он сорвал клоч зеленой растительности и с аппетитом испил ее холодной влаги. Сырая вода, служившая ему питанием долгие дни, проведенные в заточении, открыла всю правду о том многом из мира природных вкусов, каким разумные земляне в обычных условиях пренебрегают. Всего-то растение – подножный корм для северных животных, а соку в нем, питательности хватило бы на целый полк голодных солдат!

«Быть человеком имеет смысл в нужде», – вот о чем думал Лойд, выбравшись наружу. С блаженным исступлением взирал он на водные дали и размышлял. О том, как повезло ему угодить в эдакое положение; о том, какую жизнь, а лучше – две, он прожил бы теперь, зная, каково это – быть живым, пусть нищим духом, однако способным это сознавать благодаря теплу сердца.

ГЛАВА V

РОД НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. БЕЗВРЕМЕННОЕ

Справившись с чувством голода и порядком сладив с новой явью, Лойд стянул с себя затхлые одежды и развесил их сушиться подальше от тенистой арки. Нагой, планируя обследовать близлежащую местность на предмет спуска к воде, он шагнул на хрупкий уступ, висящий за пределами скалистой террасы прямо над морской толщей. От последней его отделяли каких-то несколько ярдов в высоту. Тоннель, в котором его застигло прозрение, находился, по-видимому, сбоку от подножия, потому как с этой стороны на море царил штиль. Окинув взглядом открывшуюся панораму, герой наш ничуть не подивился, застав с торца горы тот же бескрайний простор, что и с ее фасада. Там же, чуть правее от уступа, с которого Лойду крайне не хотелось свалиться в воду, во всю длину горы, пика которой он, как ни старался, увидеть не мог, простирался кулуар – путь схода горных ручьев.

Шмыгнув обратно на устойчивые полы террасы, Лойд направился к противоположному склону. Заглянуть за него не представлялось возможным: боковая стена, где заканчивалась арка, наглухо закрывала панораму. Оставалось надеяться, что внизу, под карнизом скалистого выступа, на худой конец, есть кромка, по которой можно было бы пешим ходом обогнуть гору. Как это проверить, предварительно не спускаясь к воде, Лойд еще не изобрел. Вполне возможно, что каменная громада с этой стороны уходила глубоко под воду, и тогда путь на сушу ему был заказан.

Совсем рядом, над повисшей в воздухе головой странника раздались птичьи крики. Стая белоснежных чаек спланировала на зеркальную морскую гладь. Лойд был уверен, что далеко от отправной своей точки он уйти не мог, а значит, до цивилизации было рукой подать, но общество птиц доставило ему особенное удовольствие. Существа, столь свободные в своем передвижении, показались ему неким символом, олицетворяющим простой порядок вещей, где сама свобода – не привилегия, которой можно лишиться при желании, а всего-то вопрос взмаха крыльев. Прислонившись к холодной стене, он подставил солнечному теплу липкое от влаги лицо и в наслаждении зажмурился. День стоял погожий. Сложно было вообразить, что не так давно здесь бушевали яростные ветры и часть тех самых чаек, сегодня так безмятежно покачивающихся на невидимых волнах, были заживо погребены под грядями морских валов.

Солнце клонилось к закату, а идеи по спасению так и не шли в голову старика. Назад, к душным коридорам подземелья он не вернется – это он решил твердо. Рисковать и прыгать в воду в надежде добраться до мелководья Лойд опасался: слишком велика угроза разбиться о прибрежные скалы. Искушать судьбу и спускаться к воде по кулуару или же карабкаться наверх к гребню горы в поисках лучшего обзора местности?

Порядком согревшись, он сверил по пальцам оставшееся до заката время и стал поторапливаться – в запасе было без четверти час. На полу, в тени он заметил выпавшую из одежд книжицу, изрядно потерявшую форму, а в ней – и лупу, стекло которой не выдержало испытания пещерой. Спohватившись, Лойд вытряхнул из внутренностей единственного предмета своего багажа стеклянный песок и принялся оценивать масштаб потерь. Наскоро полистав страницы, он с изумлением отметил превосходную сохранность письма. Невзирая на потерю книгой антикварного глянца, сырость не испортила записи и даже напротив – волглая велень стала совсем прозрачной, подчеркнув сами символы таким образом, чтобы мастер мог прочесть их без увеличительных приборов вовсе. Теперь, в шаге от полного краха и в двух шагах от спасения, символика уже не казалась ему архаичным способом изъяснения. Скорее, в ней была заключена многовековая мудрость, позволяющая расшифровать себя всякому, кто не владел древними

языками, но обладал меж тем человеческой логикой. Дабы быть услышанным, автор, оставивший такое послание, должен был придумать способ передать его точным и наряду с этим универсальным образом, чтобы адресат, кто бы он ни был и в каком бы времени ни жил, прочел его, не искажая сути. И символы в таком случае, а Лойд знал это лучше многих, служили тем самым внеязыковым способом связи с далекими потомками, что позволял последним дознаться до смысла, не прибегая к сложным переводам.

Глаз значил «видеть», «смотреть». Нога – «ступать», а копь две ноги – «идти». Ухо – вероятно, призыв прислушаться. Уста – молвить. Миниатюра горы, должно быть, намекала на географию мест, где предполагалось осуществить все вышеупомянутое. Что могли значить многочисленные изображения частей тела животных, Лойду только предстояло выяснить, и он пообещал себе во что бы то ни было вернуться к этому занятию, как только выберется из западни.

Наспех прикрыв наготу едва просохшими лохмотьями и втиснув воспаленные дорогой ступни в жалкие остатки того, что когда-то было лаковыми туфлями, Лойд вновь препоясался камербандом, не забыв упрятать в него книжицу. Выбор пути пал на лаз по горе наверх, к пику: прогноз опять мокнуть не пришелся Лойду по душе. Он взглянул на красный горизонт, прикинув, сколько времени в его распоряжении на преодоление первого подъема, набрал немного мха в рот и двинулся к правому краю карниза.

Гора не была слишком отлогой. Кое-где виднелись ровные уступы и вертикальные борозды шириной в полноги, которые могли служить опорой при движении. Следовало за что-то уцепиться, чтобы сойти с карниза и твердо встать на гористую поверхность. Лево́й руко́й держась за выступ в стене, право́й Лойд нащупал зазубрину по другую сторону и, сподобившись, уперся право́й ного́й в низенький парапет. Теперь надлежало слегка раскататься и перемахнуть через край нависшего над морем «балкона». Лойд приготовился, мускулы тела напряглись, в мыслях промелькнуло последнее неудачное падение в пещере, и, шаркнув пяткой, он взмыл ввысь. На этот раз прыжок удался, хоть и не без ущерба: каменная плита, к которой он жался всем туловищем, одарила грудь глубоким порезом при рывке, и теперь вся рубаша пропиталась густой липкой жидкостью. Все еще держась за стену, но уже с противоположной ее стороны, Лойд осмотрел рану: только теперь он увидел, до какой степени красное излучение искажает краски: кровь была неестественно черной, как у вебрей из древних мифов.

Лаз к самой ближайшей вершине предполагал восхождение под уклоном градусов в пятьдесят. Иначе говоря, здесь требовались цепкость рук и хирургическая точность каждого следующего движения, так что восхождение было сильным преувеличением – скорее, Лойду следовало карабкаться ящерицей, опасаясь потерять равновесие и сорваться с приличной высоты. Тогда бы шансов на очередное везение оказалось мало – он рисковал разбиться еще до соприкосновения с поверхностью воды.

Оглянувшись за спину, на клонящееся к закату солнце, Лойд взвесил шансы добраться до пункта назначения в срок, равный наступлению ночи, и, аккуратно приземлившись вплотную к скалистому склону, пополз на зов вишневых облаков.

Былое пробуждение в пещерных залах не оставило о себе долгой памяти. Не прошло и дня, как герою нашему вновь довелось отходить от сна, вызванного не, как привычно домашним людям, режимом дня, но необходимостью – органическим датчиком, выключающим сознание в моменты бескрайнего изнеможения. Только если пробудившись в пещерах после падения Лойд ощущал на своем лбу поцелуй божий, подаривший ему воскрешение, то сейчас обстоятельства несколько изменились. Половина тела его парила над темной пропастью, неко-

гда – в свете дня – бывшей морской гладью, другая часть тела, верхняя, почивала на устойчивом каменном карнизе необозримой в ночи величины. Должно быть, инстинкта выживания хватило старику лишь на то, чтобы обеспечить выбившемуся из сил организму опору для безотлагательного отдыха. Ныне самочувствие было чудовищным: все конечности ныли от напряжения, в висках отбивала барабанную дробь мигрень, перед глазами все плыло, и ничего качественно невозможно было различить.

Первыми ожили волосы, гонимые резкими порывами ледящего ветра. В следующий миг от затылка больно срикошетил каменный снаряд. За ним откуда-то сверху, из такой же беспросветной тьмы, как и внизу, посыпался град горных пород. С грехом пополам, Лойд всем телом взобрался на горизонтальную площадку и, не меняя позы, устремился прочь от камнепада.

Далеко сбежать не посчастливилось: спасительное пространство оказалось условным – дальше деваться было некуда, только наверх. Бормоча имена всех богов, каких удалось вспомнить, он прижался к внутреннему углу горы и, нашарив в одеждах книжку, зажал ее руками в надежде защитить голову от каменной дроби.

Взгляду открылось новое, еще более кроважидное пиршество стихии. В свете луны было видно, как залпы ветра взбивают морские воды в бурлящую пену, закольцовывают их в гигантские водяные воронки. Горные породы полегче взмывали ввысь; каменное крошево вблизи того места, где прятался Лойд, словно невидимым магнитом затягивало в круговорот безумной пляски. Вдалеке, на линии горизонта, засверкали хвосты молний, спешащих примкнуть к многоголосому хору света и тьмы. Казалось, ничего более величественного и вместе с тем более пугающего произойти не могло, разве что сами воины ада вышли бы в поднебесную из черных вод. Однако опасения Лойда не подвели: плененный зрелищем, развернувшимся далеко перед ним, он упустил из виду сгущавшиеся подле него самого призрачные тени. Зеленые искры, подобные тем, что наблюдал он совсем недавно в камине архива, рождались прямо из мрака одна за одной и закручивались меж собой воздыхающей коловертью. Миг – и на том месте, очистив воздух от частиц земного, возник пространственный коридор, пылающий ярким малахитовым пламенем.

Волю старика парализовало. Ни жив ни мертв, как загнанный в ловушку зверь, он заметался. Еще мгновение – и из чрева призрачных врат вырвался оглушительный утробный рев. Лойд, более не в силах сдерживать первобытный ужас, истошно завопил и бросился к краю обрыва. Все его тело воспарило над пропастью. Невесомое, подхватываемое поющими ветрами, оно, наконец, готовилось к первому и последнему своему полету. Какая-то доля секунды отделяла его от верной смерти, но боги не отступали.

О, мирянин! Знал ли ты законы небесные, покуда чудесами звал явления ежедневные? Знал ли ты жизнь, покуда не открыла она тебе нерукотворного и бессущностного? Знал ли ты самого себя, покуда изо дня в день продолжаешь идти усилием воли, а не доверием к ступням своим?

Вдаль ли, в высь ли уносила героя нашего неземная волшба, а дни сменялись ночами. Будто и не он это был вовсе, и не с ним это вовсе было. И если сон то был, то вероотступнический, ибо ни богов, ни дьявола старик не повстречал в беспамятстве своем.

Воспоминание... Холодный просторный дом с мерзлыми каменными полами. И она: совершенно нагая, босая, озаряющая своей белоснежной кожей окружающий мрак. Шла, вела меня за руку за собой. И это было так естественно, так значимо, так правильно! А потом мираж растворился, и вместе с ним растворилась во мраке она – моя гордая белая лебедь. Моя Селин. А за ней, как потерявшее свет маяка судно, ослеп и я.

По тому, как внезапно вернулась способность двигаться, Лойд определил конец воздушному странствию. Ноги заметались над землей еще на уровне облаков. А затем взору открылась удивительная картина: за плотной завесой багрянца показалась пустынная серая гавань, щедро усыпанная известняком. Безотчетно приготовившись к стремительному падению, Лойд попытался сохранить равновесие и принять устойчивое положение, однако, к собственному облегчению, обнаружил себя неспешно соскальзывающим с воздушного одра аккуратно на береговую кромку.

Старик ощутил, как к конечностям прихлынула кровь. Чувствительность возвращалась. Совестно, как легко он примирился с ее потерей, породнившись с бесплотностью. И меж тем, невзирая на нечистый замысел, принесший его в эти места, он был несказанно рад тому, что наконец стоит на твердой земле.

На черствой, как панцирь древнего ящера, земле Лойд не встретил не единой живой души, слоняясь уже без малого четверть часа. По пояс утопши в туманном мареве, он наощупь перебирал ногами, лавируя меж горами битого базальта. На некоторых особо непроходимых участках приходилось карабкаться, сбивая ноющие конечности в кровь и подвывая от нарастающей боли.

Очередное скитание по безлюдным чужбинам мало чем отличалось от прежнего. С одной лишь разницей. Там, в спертом воздухе пещер, блуждая по бесчисленным каменным лабиринтам, он все же имел цель – выбраться наружу, к свету. Эта надежда освещала старику путь в кромешном мраке, не давая ногам сломиться, не оставляя его один на один с рвущим душу отчаянием. Ныне же Шиперо не знал, ни где он, ни что могло являться выходом из этих мест, ни стоило ли ему вообще искать выход. Ступив на завещанный богами путь, едва ли смел он уповать на возвращение домой.

Смеркалось. Герой наш поднялся с колен, окинул взглядом бескрайний дымный горизонт и, пошатываясь, как хмельной, утер со лба холодную испарину. Дальше двигаться было решительно некуда, да и незачем. Неизвестно, далеко ли он продвинулся: пейзажи со времени его прибытия ничуть не изменились, разве что день близился к закату. Только сейчас, сумевши остановиться, Лойд дошел умом: место, где он оказался, было напрочь лишено не только живности и растительности, но и всяческих звуков и запахов. Даже в затерянных пещерах – и в тех витали признаки жизни. Это умозрение дало толчок приступу головокружения. В ушах неприятно засадило. Черда новых для него состояний не намеревалась закачиваться: теперь он оказался заточенным в пространстве, где органы чувств были никчемной принадлежностью. Глаза смотрели, но видели не более, чем если бы он вдруг ослеп. Уши слышали, но до них не долетало даже комариного писка. Единственным свидетельством прежнего мира были небо над головой и твердая почва под ногами.

Побродив еще с полчаса в поисках водопоя и не добыв ничего, кроме мелкого щебня в ботинки, Лойд в мрачном расположении духа рухнул наземь. Туман сгустился на его груди, колеблясь в унисон дыханию. Бессилие овладело телом. Ровную красную линию горизонта поглощал мрак. Пустынная земля медленно погружалась в сон. Не найдя ничего лучше, кроме как тут же обосноваться на ночлег, Шиперо прильнул щекой к пыльной известняковой поверхности. Кайма тумана сомкнулась над головой, и все существо Лойда скрылось под ним, словно схоронившись под перламутровыми океанскими водами.

Сновидение... Прозрачное, как горный хрусталь, озеро, кишущее жизнью всех цветов и размеров. Я, парализованный жасждой, бегу к его дразнящей водной ряби. Откуда ни возъ-

мись, плечи пронзили острые, как кинжалы, когти. Рыжий кориун с размахом крыльев дюймов в триста цепился мертвой хваткой в беспомощное мое тело и, что есть духу, взмыл в воздух. Я видел, как рыбы бессмысленными глазами воззрились на торжество хищного промысла. Видел, как стада золотистых антилоп отпрянули от водопоя, обеспокоенные развернувшейся прелюдией. Видел, обративши взор к небу, как скривилась в победной гримасе физиономия птицы, преступающей законы природы. А затем я видел, как та же физиономия обратилась восковым ликом таинственного незнакомца в черном макинтоше. Хохоча и брызжа слюной, птица сделала два крутых виража и, тая под палящим солнцем, разомкнула когти.

Лойд воспрял ото сна и зажмурился, ощупывая языком сухое нёбо. Будучи одной ногой в стране грез, он во что бы то ни стало решил начать день с поиска продовольствия: «Черт бы побрал эти входы и выходы! Кому полегчает, если я околею от голода?» Однако умонастройению суждено было улетучиться так же стремительно, как оно возникло, ибо, еще не успев подняться, он обнаружил себя со всех сторон окруженным множеством едва различимых ступней.

Взору открылось дивное зрелище: туманная дымка, все еще плотно стягивающая пространство над лежащим навзничь Шиперо, скрывала от зрения тех, кому принадлежали мерклые конечности. На уровне глаз старик видел только смутные очертания подолов мантий да нагие стопы. Охватившая его дрожь только усилилась, когда, прикидывая в голове облик самих обладателей ног, он смекнул, что все они собрались здесь по его душу. Несложно было догадаться по обращенным к нему пальцам ног, что люди, нависшие над ним по ту сторону туманной пелены, замкнули вокруг сморенного сном старика плотное кольцо. «Туземцы!» – промелькнуло прозрение.

Лойд приподнялся на локтях и опасливо выглянул из-под завесы тумана. То, что он увидел, оказалось куда более неправдоподобным, чем самый безумный сон: сонм духов с тлеющими, натурально плавающими раскаленными головами взирал на него с высот человеческого роста. Под балахонами, почти бесцветными и ветхими, как осенняя листва под ногами, серебрились костлявые мощи. Переминаясь с ноги на ногу, армия нелюдей безмолвно разевала пасти – не то в отчаянной мольбе, не то изрыгая проклятья. Что бы то ни было, послания адресовались ему – Лойду, окаменевшему среди босых ног от немого ужаса.

По-видимому, вожак – самой безобразной наружности даже по меркам полуразложившегося существа, – сделал шаг вперед, в сердце кольца, сомкнувшегося вокруг несчастного Шиперо, и навис над последним в некоем подобии поклона. Пасть мертвеца, объятая истым пламенем, разинулась до немыслимых размеров, обнажив гнилые зубы и осклизлый язык. Из недр глотки вырвался истошный хрип, и сотни голосов его сородичей подхватили предсмертную песнь, устремив пустые глазницы к эмпирею¹¹.

Оставались какие-то мгновения до полного обморока, когда Лойд, поборов мучительный приступ тошноты, кинулся прочь. Не заботясь о том, чтобы не сбить кого-либо с ног, архивариус мчался сквозь мутные тени, попутно морщась от топивших глаза слез. Творящийся наяву кошмар обездвигал остатки рассудка. В мире, куда он угодил против собственной воли, не действовали земные законы. Даже воздух здесь мог быть опасным для жизни, ведь он не имел запаха. А единственным звуком, что распознал слух старика, было загробное шипение толпы нежити.

¹¹ Эмпирей (от греч. έμπυρος – огненный) в древних космогонических представлениях – верхняя часть неба, наполненная огнем, сиянием; место пребывания богов.

Все эти наблюдения никак не характеризовали природный порядок, к которому привык Лойд. Его обуревали самые мрачные мысли: как скоро настигнет смерть его измученную душу, какой она будет и от чьей руки.

Всякий человек, должно быть, представляет себе собственный конец, и предпочтительнее всего умереть так, как задумано. Мы не принимаем решения о том, кем родиться, но приятных сердцу дум о том, кем и как нам окончить свое путешествие, последней нашей радости у нас не отнять. Вот и Лойд, намереваясь когда-то предаться вечности, грезил сделать это не по воле несчастного случая, а уснув в своей мягкой постели.

Постель – вся жизнь сосредоточена вокруг ее светлости. В ней человек рождается, в ней же впервые постигает радости семейной жизни, в ней и бессонные ночи страданий проводит, и умирать посему тоже полагается в объятиях этой родной сердцу колыбели.

Однако рок распорядился иначе: постели своей Шиперо не помнил, да и возвращение к прежней жизни мнилось самообманом. Так оно, ровным счетом, и было. И теперь вопрос смерти предстал пред Шиперо в новом свете: раз выпало ему найти конец свой вдали от дома, то пусть он хоть погибнет не напрасно. Что значило это «не напрасно», рассуждать было преждевременно, но решение это вдохнуло в него еще крупицу воли к жизни.

Между тем тяжелый галоп старика сменился пешим ходом – до сих пор ровное плато уступило место крутому подъему, за которым виднелось большое нагромождение скал. «Не грех бы раздобыть хоть пригоршню воды», – воздел Шиперо утомленное лицо к медному небу. Как вдруг в двух шагах от него, вдоль каменного шва меж гранитными валунами, заплескали отблески серебра. Герой наш рысью кинулся к источнику сияния, небрежным движением расчистил поверхность земли от туманного настила и обомлел: прямо из-под каменной толщи наружу сочилась густая, сродни ликеру, перламутровая жидкость. Опустившись на колени, Шиперо припал к источаемому ей пару, и в нос ударил свежий аромат сосновой смолы.

– Что же ты такое есть? – озабоченно пробормотал старик.

Жидкость, явно выталкиваемая на поверхность неким подземным хранилищем, не торопилась разливаться по окрестности, а словно варилась в своей обители, местами бурля и вспучиваясь серебристыми пузырями. Это показалось Лойду абсурдным, ведь испарение по ощущениям было холодным – гораздо более холодным, чем сам воздух в округе. Сובлазн исследовать явление поближе, однако же, восторжествовал, и Лойд окунул палец в тягучее вещество. То оказалось ледяным и тут же, чего вовсе не могло быть, соприкоснувшись с теплым телом, растеклось по морщинистой ладони прозрачным каскадом. Лойд от неожиданности отпрянул и уставился на блестящие следы, оставленные субстанцией неизвестных свойств. В горле неприятно засадило, жажда одерживала победу. Чтобы опробовать то, что он собирался сделать, пришлось облизнуть палец. Едва губы коснулись белесого налета, кончик языка затопил сладковатый маслянистый вкус, не сопоставимый ни с чем, что Лойду доводилось отвеживать прежде. Словно нектар из всех цветов мира, собранный руками искушенных травниц, он вызвал волну дрожи и помрачил разум старика. Как чумной, тот в нетерпении голодном застал и, бросившись к природной чаше, впился в ее медвяные воды.

Нипочем человеку, чье существо содрогается от смертельной жажды, предостерегающие легенды о проделках ядовитых источников. Тот, чьи разум и тело в довольстве, не способен судить об одолении снедающего внутреннего жара, обрекающего жертву на танталовы муки¹². Так и Лойд, сбившись со счета дней от голода и жажды, не выстоял пред натиском нужды и кинулся в блаженный омут.

¹² Тантал – персонаж из древнегреческой мифологии, сын Зевса, чьим наказанием за проступок перед отцом было изгнание в царство мертвых на вечные муки от голода и жажды. Ирония мифа в том, что Тантал стоит в аду по горло в воде, а над ним склоняются ветви с сочными плодами. Ни того, ни другого ослушник отвеждать не в силах: вода отступает, смей тот наклониться, а ветви поднимаются до недосыгаемости, едва он тшится к ним тянуться. Так и мучается Тантал в аду при изобилии призрачных возможностей, веками страдаая от жажды и голода.

Вдоволь насытился герой наш живительной влагой, и тогда только способность здраво мыслить вернулась к нему, а павший дух воспрял. Что источник был необычным, Лойд понял сразу, но наслаждение, охватившее его и вернувшее изнывающую плоть к жизни, не желало отпускать. Умом трезвый, он никак не находил силы перестать жадно пить, а между тем дышать становилось все тяжелее. Борясь с тошнотой и прокусив себе губу в нескольких местах в попытке сомкнуть рот, он поднатужился и одной ногой сумел опереться на ступню. Оставалось найти опору для рук и оттолкнуться, что есть силы, от земли. Наряду с его неусыпными стараниями содержимое источника, который он вопреки себе продолжал осушать, раздалось кругами и побагровело в цвет крови, теперь напоминая зловещее варево в адском котле. Вкус смешался на солоноватую горечь, а освежающая прохлада обратилась дерущим ротовую полость кипятком.

Шиперо, обезумевший от ужаса, прощался с жизнью. Имеет ли право на спасение кровопийца, застрявший жалом в теле невидимой жертвы? Но Лойд не был кровопийцей – он и был жертвой, по воле судьбы, как и многие до него, обманутой коварным инстинктом. Он пил, стиснув челюсти, и метался по кромке кровавого месива, покуда лицо его не стало погружаться вглубь, затягиваемое клокочущим водоворотом. Мощь, с которой недра земли утаскивали его в свое логово, казалось, без труда была способна сорвать кожу с лица, продолжи он протестовать. Тело, обессилев, обмякло, и тотчас горячие тиски смертельного поцелуя разомкнулись, высвободив обожженное лицо старика хлесткой пощечиной.

Лойд повалился назад, хватая воздух ртом. Легкие пылали огнем. Тело от макушки до пят будто налилось свинцом так, что, подобно гипсовой статуе, он не мог пошевелить ни одним мускулом. Взгляд бессмысленно уставился в небо – в то, что когда-то Лойд знал как небо, а в последние недели представляло собой необъятный лоскут освеженной кожи, сплошь покрытой рыжими венами перьевых облаков. Он отказывался принимать на веру все происходящее. «Не может всего этого быть взаправду! Это сон. Кошмарный сон», – зывал к реальности измученный разум. И тем не менее сон никак не желал заканчиваться, упрямо становясь все более пугающим и абсурдным.

Спустя некоторое время стук сердца поумерился, дыхание восстановилось. Шиперо с трудом перевел остекленевший взгляд туда, где еще недавно бушевала битва между ним и притворным водоемом. К его очередному изумлению, вместо былой трясины на этом месте вновь играл серебристым цветом, еще более прозрачным и манящим, крохотный родничок.

– Дьявольщина! – опалился гневом старик и, игнорируя судорогу в конечностях, принял сидячее положение. – Что ты пытаешься мне сказать? – пришло ему в голову вступить в диалог со строптивой стихией.

Вода в роднике сгладилась, точь-в-точь обратившись в слух. Лойд, завидев такое, навестился и аккуратно подполз вплотную к берегу. То, что увидел в отражении, отняло у него дар речи: из кристально-чистой, как зеркало, глади на него смотрел... призрак.

Нет, Лойд не мог поверить собственным глазам! Всю жизнь он старался быть добропорядочным человеком, не вступал в противоречие ни с кем и ни с чем, изучал историю, не скупился на милостыню и справно трудился. Еще в далеком детстве, когда дед читал ему древние книги исчезнувших народов, он взял себе зарок – узнать все на свете, благодаря писаному человечеством опыту, и ничего не отрицать авансом, ведь в жизни возможно любое волшебство, вопрос только в том, как далеко ты готов зайти, чтобы познакомиться с ним. Достаточно ли далеко он теперь зашел, чтобы отказываться верить увиденному? Способно ли волшебство творить с человеком, живым и добропорядочным, похожую чертовщину? А главное – как довериться миру, где всё до единого, тебя окружающее, торопится тебя изничтожить?

Рассуждения Шиперо были в большинстве своем риторическими, потому как ни на один свой вопрос он ответа сыскать попросту не успевал: сверхъестественные события, каким

не было никакого книжного объяснения, следовали один за другим бесперерывной чередой, оставляя старику лишь свободу определять степень прогрессирующего безумства. Всего несколько часов назад он летел по воздуху, пересекая воздушные границы бестелесным облаком и еще будучи уверенным в том, что ничего немыслимее этого уже произойти с ним не способно. А теперь, узнав в собственном отражении призрака, он окончательно расстался с верой в то, что мир, который он знал, в котором он провел большую часть своей жизни, – не плод его воспаленной фантазии.

Посидев так в смешанных чувствах достаточное время, как он думал, для установления природного порядка, Шиперо предпринял еще одну попытку заглянуть в источник. На этот раз он вооружился камнем поострее, чтобы придать себе уверенности. Родник тем временем беззаботно резвился в своей колыбели, на разный лад поплескивая жемчужной рябью. Лойд подкрался к его краю и занес над водой свободную пятерню, предпочитая пока не высовываться самому. Поверхность снова сгладилась, и в то же мгновение тоненькая, как стебелек, струйка робко потянулась навстречу парящей ладони. Лойд ахнул, но удержать руку не решился. В этот самый момент родник перестал быть в его понимании чудесным природным явлением: скорее, он принял его как равного себе – такое же живое существо, разве что иного происхождения.

Пальцы супротив воли задрожали, едва серебристый колосок приблизился вплотную к руке, а затем, не на шутку встревожив Лойда, струйка затрепетала, словно передразнивая своего визави. Тогда Лойд дерзнул осторожно сомкнуть пальцы в кулак, как бы демонстрируя способности своего тела. Тут же тонкий поток воды устремился обратно к истоку, наделав немало шума на поверхности, и уже через мгновение берега родника стали раздаваться вибрирующей, заставив Шиперо вскочить на ноги и немедленно отступить.

Какое-то время старик пятился, не сводя глаз с увеличивающегося в размерах источника, пока спина его не уперлась в каменное возвышение. Он с несвойственной себе прытью взобрался наверх и стал ждать, что же произойдет дальше. Разросшись до размеров небольшого озера, источник остановился у подножия породы и, разгладившись, замер.

Тогда-то Лойд и увидел вновь собственное отражение: из зеркальной глади на него смотрела полупрозрачная косматая голова с лицом, не как прежде испещренным глубокими морщинами, а заметно помолодевшим, но, между тем, бледным, точно у вурдалака. Поистине пугающим был взгляд: донныне яркие, лазурного цвета глаза теперь точно выбелились или покрылись мутной пленкой, а щеки впали так, что на него глядел и не человек вовсе, а ожившие мощи когда-то почившего молодого мужчины – его самого лет двадцати назад. Выражение лица сменялось в унисон владельцу, но Лойду пришло в голову, что источник подменяет изображение затем, чтобы сбить его с толку. Ежели он призрак, то...

– Руки! – воскликнул он. – Мои руки!

Испугавшись собственного вопля, он вскочил на ноги и принялся судорожно размахивать руками перед лицом в попытке стряхнуть галлюцинацию: пальцы, ладони, кисти, предплечья и плечи – все потеряло непроницаемость до такой степени, что Лойд мог видеть сквозь них. Слепленный ужасом, он все твердил:

– Бессмыслица... Бессмыслица! Я сплю... Сплю.

Он исчезал, терял свое земное обличье – вот что бывает с тем, кто превыше воли и благоразумия ставит примитивную нужду. Другие объяснения попросту не шли ему в голову, ведь до испытания воды неизвестных свойств на богом забытой земле он имел плоть. А теперь... Кто он теперь? Проклят ли он, до скончания веков заточенный на острове призраков, или попросту умер, сам того не зная?

– Предательское тело! – взревел старик и остервенело, как раненый зверь борется со смертью, вонзил зубы себе в предплечье. Желаемой боли не случилось. Челюсть замкнулась на лад холостому затвору, но глухо, сама не своя. – О нет! Нет, нет... – заплескал он на месте, испуганно ощупывая тонущее в воздухе лицо. – Дьяволыщина! Да кто вы такие будете? –

последняя фраза была обращена, как Лойд чаял, злым духам, слишком трусливым, чтобы показаться натурально и сразиться с ним, как подобает приличиям.

Ответа не последовало. Вместо этого существо Шиперо окончательно утрачивало осязаемость. Ощущения были странными: будто враз из тела утекали полнокровность и способность чувствовать, и, одновременно с тем, тускнело восприятие пространства и времени, и грубела душа. А может, и не оставалось ничего, кроме той души, что заклиналась на вечные скитания.

Что дальше? Бежать? Куда? Кругом беспроглядный туман да кладбища камней... Или... Вот те на! Лойд замотал головой, стряхивая наваждение, но образы, дотоле незримые, становились все четче. По мере телесного его оскудения – превращения в призрака – окружающее пространство, напротив, приобретало форму. Теперь вдали, где не было и намека на возвышенности, вырисовывался горный массив, пик которого скрывался высоко в небесах. Совсем неподалеку из рдяного марева показался участок земли, насколько хватало глаз, усеянный обугленными головешками, когда-то бывшими широкоствольными деревьями.

Лойд, позабыв о всякой осторожности перед снующим по периметру озером, прыгнул наземь, намереваясь обследовать местность. Почва, с коей испарялись последние остатки хмари, предстала черным пустырем с кое-где лавоточащими жилами, источавшими серные пары. На несколько сотен ярдов вокруг не было ни одного даже жалкого клочка растительности. Он на вулканическом острове!

Недолго порассудив, Лойд решил держать путь к подножию гор. Вполне вероятно, удастся забраться повыше. Чем шире кругозор, тем ближе ответ.

Только он сделал пару шагов, как бдительный источник нагнал его, сомкнувшись в ногах плотным кольцом. Беспечно, но Лойд больше не ощущал беспокойства от его присутствия. Ему подумалось, что худшей участи, чем та, что уже его настигла, и вообразить нельзя. Серебряная гладь, словно подслушав его мысли, взвилась над землей скупенным водоворотом и с размаху плюхнулась обратно, разлившись послушной лужицей у его ног. Старик так и продолжил стоять в ожидании новых открытий, но танец воды на том умерился. Лишь сверкающий край источника в нетерпении, как виляющий собачий хвост, затопорщился в направлении скал.

– Ах ты провора! В новую беду меня норовишь вовлечь? – прищурился Лойд, досадуя, что его намерение совпало со злым умыслом живой воды.

Враз он сообразил: звуки! Они все-таки были присущи этому миру, и сейчас всё вокруг, приобретая четкие очертания, обретало и голос. И, возможно, даже запахи, но неуловимые, постные, какие обычно населяют заброшенное жилище. Тот плеск беснующегося источника был первым свидетельством наличия сердца у этого мистического царства. Оно билось, давая жизнь населяющим его тварям. Что он, новоприбывший, был доньше глух и слеп, могло значить только одно: места эти тщательно охранялись от чужаков.

От внезапного осознания происходящего Шиперо залился громким хохотом. Спугнувшись блажью чудака, озерцо опрометью нырнуло за булыжник. Смех разлился по округе оглушительным эхом, и даже земля под ногами, казалось, пробудившись от долгого сна, содрогнулась. Где-то в районе скалистых вершин над красным туманным куполом, скрывающим пики, полыхнула огненная вспышка. Какие-то доли секунды – и небо над головой, рдяным знаменем раздавшись, принялось метать на землю разряды молний, и рокот стихийной канонады привел в движение лавовую пустошь. Не на шутку взволновавшись, Шиперо последовал примеру своего спутника и кинулся за камень. Источника уже и след простыл.

Стало светло, как днем. Преисподняя возшла на земной престол, и гнев ее крепчал, ибо не власть то, что над мертвым велит править. Лойд ждал, что вот-вот послышатся топот конницы самого дьявола и звуки каленого хлыста. Бежать было решительно некуда. Да и зачем? Разве призраку следовало бояться, что его поразит гром? Это умозрение подвигло Лойда выйти из укрытия. Человек никогда бы не поступил столь опрометчиво: наличие плоти подразумевает неумолимый страх быть убиенным. А коль брэнная жизнь уже позади, стоило ли страшиться?

Лойд шел, насквозь пронзаемый водопадом из молний. Он не чувствовал боли и души содрогания – лишь сухой треск почвы, расползающейся под ногами, трогал его слух. В какой-то момент на вершине горы раздался мощный взрыв, затем – второй, и он увидел, как в воздух взлетели фонтаны искр. «Ото сна ли вулкан встрепенулся?» – подумалось ему. И только он было прибавил шагу, чтобы поспеть к светопреставлению, пред ним из ниоткуда возникло озерцо. На сей раз оно не мешкало: из недр его, как черт из табакерки, вынырнул бесформенный серебряный силуэт и, ухватив Шиперо за пясть, поволок его следом за собой – в глубь зеркальных вод.

Места, где довелось очутиться призраку старика, разительно отличались от прежних. На мгновение Лойду почудилось, что он наконец пробудился от кошмарного сновидения. Жизнь восторжествовала: лавовое плато сменилось зеленой долиной с кое-где возделанными пашнями и кустистой растительностью; чуть поодаль виднелась небольшая покосившаяся скиния¹³, а извилистая тропа чуть левее вела к высокой отлогой горе, у подножия которой раскинулось широкое голубое озеро. В воздухе по-прежнему витал туман, только здесь он не был зловещего кровавого цвета, а напротив – напоминал парящую над землей цветочную пыльцу.

Лойд немедленно двинулся в сторону селения. Призрачное тело было легким, почти что невесомым, позволяя ему буквально скользить над поверхностью, не касаясь почвы. Ощущения были волшебными, словно он – облако из водяной пыли, мающееся по велению неошутимого ветра.

Преодолев короткое расстояние, Лойд остановился. Вдоль горной подошвы грядой тянулись люди. Те, кто постарше, опирались на палки, другие, помоложе, несли на плечах большие свертки – нечто вроде бесцветных ковров. Были среди них и дети, снующие взад и вперед колонны, мешая взрослым беспрепятственно двигаться. Лойд инстинктивно приник к земле, чтобы остаться незаметным. По мере их приближения к лагерю Лойда, напряженно вглядывающегося в приобретающие очертания лица, озарила пугающая ясность: члены общины не были людьми, хоть и имели человеческое обличье. Как и сам Шиперо, они были лишены плоти: живые призраки, обреченные на бессмысленное существование. Едва ли это что-то объясняло – скорее, вызывало еще больше вопросов. Очевидно, они были поражены той же хворью, что и сам Лойд. Но неужто и они угодили сюда по року судьбы? Иль прогневали неизвестных богов и, подобно Лойду, не умеют себе помочь?

Старик потряхнул головой. Ничего толкового на ум не шло, а значит, нечего и время терять. Он еще немного понаблюдал за возвращением племени в свое обиталище и решительным шагом отправился на поклон.

Первым приближение чужака завидел юноша, неприметно примостившийся к стволу тенистого дерева чуть поодаль от хижин. Он подхватился с места, издал причудливый горловой клич и двумя шагами преодолел расстояние в четверть мили, как гипсовый истукан, замерши в нескольких шагах от Шиперо. Тот от неожиданности отпрянул и поспешил представиться, выставив пред собой руку в неясном предчувствии:

– Сэр, если позволите, я объяснюсь. Я Лойд, Лойд Шиперо. Обычный человек. Я безобиден, уверяю вас.

– Здесь не водятся обычные люди, – не размыкая губ, молвил бледный, как тень, отделившаяся от дерева, юноша. Голос его, бесстрастный, но мирный, был подобен эху, доносящемуся из пустого сосуда.

¹³ Греч. «шатер».

– К-конечно, вы правы, – старик заискивающе прищурился и, тщательно обдумывая дальнейшую речь, шагнул навстречу юноше. – Не смею докучать вам. Я несколько сбился с дороги. И, признаться, давно... Эти земли... Они не похожи на все, что мне доводилось встречать.

– Вы там, где есть, – юноша развернулся и небрежным жестом поманил недоумевающего Лойда за собой.

Через мгновение, сам не ведая как, Шиперо уже стоял в окружении немногочисленного племени призраков. Равных ему, бестелесных, в ветхих подобиях одежды. Храня полное молчание, они взирали на пришельца ничего не выражающими бесцветными глазами.

– Где я? – только и смог проронить он.

– Дома, – один из старцев болезненного вида, очевидно слепой, выступил вперед и поднес ладонь к груди Лойда, двумя указательными пальцами ощупывая призрачную оболочку, коей тот был, – и ты весьма слаб. Ашша проводит тебя к дыханию недр, – и он подал знак другому юноше – седовласому, как старец, но с худощавым молодым ликом и удивительно выразительными глазами жемчужного цвета.

Прочитав смятение на лице Лойда, старец взмахом руки призвал всех расступиться и хриплым слабым голосом велел:

– Ступай же! Мы ждали тебя сотни лет, подождем малость еще. Ступай.

Напутствие потонуло в водовороте беспокойных мыслей, и Лойд неуверенно побрел вслед за юношей, сопровождаемый десятками изучающих глаз.

Ашша сразу понравился Лойду. В отличие от многих, кого ему довелось повстречать в этих местах, Ашша обладал благочестивым, практически ангельским обличем, будто принадлежал не к числу призраков, когда-то схоронивших собственные тела, а по нелепой случайности пал высоко с небес, так и не найдя более сил воротиться домой. В его манере держаться, насколько Лойд мог судить, таилось нечто отстраненное, величественное. Словно благородство – единственное, что до сих пор единило его с небесами и с чем он отчаянно страшился расстаться.

Не решаясь нагнать своего проводника, Шиперо так бы и шел, плененный собственными фантазиями о таинственной судьбе юноши, что, не оборачиваясь, скользил, едва слышно шурша подолом длинной тоги, по земному покрову. Однако путь был краток, и уже в следующее мгновение юноша воззрился на старика глазами-жемчужинами.

– Я Ашша, и я прошу тебя преподнести в дар горному духу одно из своих добрых воспоминаний, – юноша чинно протянул свою белоснежную длань с веером тонких пальцев и многозначительно кивнул.

– Ч-что? – оторопел архивариус, не найдя слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.